

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

АФЕРИСТЫ

АФЕРИСТ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА

ЭКМО

Червонные валеты

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Аферист Его Высочества

«ЭКСМО»

2012

Сухов Е. Е.

Аферист Его Высочества / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
2012 — (Червонные валеты)

Не могут жить без афер лихие мошенники из шайки «Червонные валеты». Вот и теперь они задумали хитроумную комбинацию. Дядя российского императора Михаил Николаевич желает приобрести у коллекционера Лихачева картину Тициана «Портрет Карла V». «Валеты», зная об этом, заранее подменили в доме Лихачева оригинал на копию, а потом вторично продали полотно мастера Михаилу Николаевичу. Каково же было удивление князя, да и самих мошенников, когда выяснилось, что и сам «подлинник» является подделкой! Теперь вычислить ловкача, облапошившего самых известных аферистов в России, – дело чести для «Червонных валетов»...

© Сухов Е. Е., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Часть I. «Портрет Карла V»	5
Глава 1. «Хомбург», или Команда Долгорукова	5
Глава 2. Указующий перст Севы Долгорукова, или Ловцы и зверь	9
Глава 3. Гадский отступник, или Царь всех армян	15
Глава 4. Секрет монаха Теофила, или Лазурные запонки	24
Глава 5. Беда и счастье Павла Давыдовского, или Месть мужчины	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Евгений Сухов

Аферист Его Высочества

Часть I. «Портрет Карла V»

Глава 1. «Хомбург», или Команда Долгорукова

Шляпа была превосходной. Темно-коричневый фетр, узкие, немного загнутые поля, продолжная вмятина на маковке и шелковая лента над полями придавали барышне столь элегантный вид, что глаза Ленчика невольно загорелись. Недолго думая, он зашел в магазин, и дверной колокольчик, дважды тренькнув, вызвал к нему приказчика.

– Очень, очень рады, что вы к нам зашли, – пролепетал приказчик, оглядев новый, с иголочки, визитный костюм Ленчика и почтительно склонив прилизанную голову. – Чего изволите, ваше благородие?

«Ваше благородие» приятно поразило слух. Леонид невольно улыбнулся: вот оно как!

Давно ли он плутовал, играя в «горку» или «фараона»? Или на пару с колченогим Митяем промышлял в трактире «Гробы» тем, что облапошивал подгулявших купчиков и прочих простоватых обывателей нехитрой игрой в «скорлупки»? Ну, это когда под одну из скорлупок кладется (или чаще всего не кладется) хлебный шарик, скорлупки перемешиваются и играющий должен угадать, под какой именно скорлупкой спрятан шарик. Ленчик был подсадным – брал на глазах публики хороший куш, провоцируя тем самым на игру зевак и намеченных жертв. Иногда он едва ли не напрямую подбивал выбранную жертву сыграть с Митяем в скорлупки. Была отработанная нехитрая метода, которая практически не давала сбоев. Видя удачливость Ленчика, лох сам предлагал поставить за него и всякий раз проигрывал. А вышибала – могучий татарин Бабай – прикрывал их с Митяем, ежели одуроченная жертва начинала вдруг бузить. Словом, полное кидалово!

А давно ли он, робея, стучался в восемнадцатый номер гостиницы «Европейская», где на то время проживал вернувшийся из мест не столь отдаленных лучший из «Червонных валетов» Всеволод Долгоруков, и буквально просился взять его в свою «команду»? Имея поначалу с ним весьма нелिцеприятный разговор?

А вот теперь, вишь: гнутая спина приказчика, «ваше благородие», фетровая шляпа с загнутыми полями на шелковом подкладе. Поистине, неисповедимы пути человеков в этом сложном мире. И непредсказуемы.

– Мне понравилась вон та ваша шляпа, – указал Ленчик на витрину. – Ну, та, фетровая, с загнутыми полями.

– Вы имеете в виду шляпу «хомбург»? – посмотрел приказчик туда, куда указал клиент.

– Ну... Да...

– У вас потрясающий вкус, – искренне и с совсем небольшой примесью лести заметил приказчик.

– Вы находите? – улыбнулся Ленчик.

– Именно так, – подтвердил приказчик. – Это любимая шляпа принца Уэльского... А он, как известно, славится по всей Европе как величайший знаток тонкого стиля.

– Что ж, – усмехнулся Ленчик, вот и от принца недалеко отошел, – значит, я тоже буду носить такую шляпу, какую носит принц Уэльский.

С сотенной он получил сдачу семьдесят девять рублей. Когда приказчик уже убирал радужную бумажку, Ленчик спохватился:

– Прошу меня извинить, но у меня, оказывается, была с собой мелочь. Давайте я вам дам еще рубль, а вы мне вместо семидесяти девяти рублей – восемь червонцев. Хорошо?

– Извольте, – охотно отозвался приказчик и, взяв у него девять рублей, протянул десятку. Ленчик принял ее.

Теперь оставалось запудрить приказчику мозги несколькими мелкими расчетами, предлагая поменять рубль на гривенники, а трешку на рубли. В конечном итоге Ленчик вышел из магазина со шляпой и сдачей в восемьдесят один рубль. То есть модная шляпа стоимостью в двадцать один рубль обошлась ему в девятнадцать. И это была лишь сотая часть разного рода мелких афер и махинаций, каковыми он научился владеть, войдя в команду Долгорукова. Деньги невелики, но терять навык не следовало.

Как московский аферист и исключительный мошенник Всеволод Долгоруков оказался в Казани? Да очень просто: после того показательного процесса по делу клуба «Червонные валеты» в Московском окружном суде в феврале 1877 года Сева Долгоруков получил три с половиной года «крытки». Отсидев в Бутырском центре от звонка до звонка, Всеволод Аркадьевич был освобожден из него со следующей протокольной рекомендацией, имеющей силу приказа:

«...Освободить из заключения в Бутырском тюремном замке Долгорукова Всеволода Аркадьевича за истечением срока наказания с запрещением проезда, остановки и проживания в столице Российской империи городе Санкт-Петербург, а также губернских городах Москва, Киев, Минск, Харьков, Одесса, Смоленск, Варшава и Рига. Также запрещены остановка и проживание в губернских городах Лодзь, Вильна, Тула, Баку, Кишинев, Ростов-на-Дону. Помимо вышеуказанного, запрещено проживание в губернских городах Российской империи Николаев, Ташкент, Ростов, Саратов, Рязань, Пермь, Екатеринбург, Нижний Новгород, Самара...»

Что же оставалось? Да то, что из губернских городов проезжать, останавливаться и жить можно было только в Томске, Тобольске, Енисейске, Вологде, Казани и Астрахани.

Какой город избрать для проживания? Вологда отпала сразу – само слово вызывало у Долгорукова тоску и скуку. Помимо этого, Вологда издавна была местом каторги и ссылки государственных преступников, разбойников и прочих уголовных элементов. С какой же стати избирать сей каторжный город местом добровольного проживания?

Томск, Тобольск, Енисейск... Все сибирские места. А тяги к Сибири у Севы Долгорукова не наблюдалось с детства. Даже к Западной. Так что Сибирь тоже не рассматривалась.

Ежели взять город Астрахань, то Долгоруков в нем никогда не бывал. И слышал о нем много нелестного: жара, пыль, духота, таборы цыган... Всего этого, особенно духоты, Всеволод Аркадьевич не выносил. А потому выбрал Казань. К тому же Севе уже приходилось бывать в ней, и первая его афера была совершена именно в этом городе. А воспоминания, милостивые государи, вещь немаловажная...

А что за команда была у Всеволода Аркадьевича! Творить разные дела с такими людьми – уже честь для любого махинатора и афериста.

Взять того же Африканыча. То бишь Самсона Африкановича Неофитова. На первый взгляд сей статный, обаятельный красавец и покоритель женщин смотрелся просто напыщенным бонвиваном, прожигающим жизнь в череде непрекращающихся удовольствий. Но то было лишь на первый взгляд. На самом деле Самсон Неофитов, бывший гвардейский корнет (правда, надо признать, очень недолго) и дворянин невесты в каком поколении, ум имел чрезвычайно изощренный и на разного рода мошенничества и аферы весьма и весьма острый. Да, Неофитов очень любил жизнь. Однако не только разгульную и полную всяческих удовольствий и наслаждений, но и насыщенную разными опасностями и риском. А еще он любил женщин. Без них он не мог обойтись и нескольких дней. Причем – без разных, что ни в коей мере не ставится ему в упрек. Ведь без женщин жизнь – просто неинтересная и пресная штука.

Африканыч был в числе тех семерых «валетов», которых осудили на ссылку в Тобольск. А когда срок ссылки закончился, он подался в Казань, к своему другу и тоже бывшему «валету» Севе Долгорукову. Потому как проживание в обеих столицах Африканычу также было заказано всерьез и надолго.

Еще в группу Долгорукова входили столбовой дворянин Алексей Васильевич Огонь-Догановский, что держал общую казну клуба «Червонных валетов» и был их старейшиной, и «граф» Давыдовский. Правда, титул графа Павел Иванович Давыдовский присвоил себе самолично, но ежели кто и походил на графа – статью, осанкой и манерами, – так это единственно Давыдовский. Похоже, в этом сыграло свою роль воспитание и образование, ведь он приходился сыном тайному советнику, вот-вот готовящемуся получить чин «действительного» тайного советника.

В бытность в Тобольске «граф» Давыдовский, и прежде в охотку или по необходимости (ради дела) пописывающий в газетки и журналы, занялся сочинительством и сделал на этом поприще значительные успехи. Он написал три пьесы, одна из которых, под названием «В края сибирские», была поставлена на сцене Тобольского театра и имела оглушительный успех. Такой, что Пушкинский театр в Москве выбрал ее для своей постановки в сезон восемьдесят второго – восемьдесят третьего года с Андреевым-Бурлаком и Южиным в главных ролях. А затем Павел Иванович занялся сочинительством романа, описывающего как свои собственные похождения, так и его друзей из клуба «Червонные валеты», – деятельная натура «графа» и в ссылке требовала выхода.

Что же касается Огонь-Догановского, то Алексей Васильевич был известным в Москве карточным игроком. Какое-то время даже самым известным! А кем еще быть сыну знаменитого в свое время держателя игорного дома Василия Огонь-Догановского, обыгравшего как-то на двадцать пять тысяч первого пиита Российской империи Александра Пушкина?! И членом какого клуба, кроме Англицкого, быть такому человеку? Конечно, только клуба «Червонных валетов»! Это он, Алексей Васильевич Огонь-Догановский, позволил себе громогласно и открыто не согласиться с главным обвинителем Муравьевым на том достопамятном судебном следствии 8 февраля 1877 года в здании Московского окружного суда, что «Червонные валеты» – не только махинаторы и аферисты, но и «банальные грабители».

– Ты ври, да не завирайся, – негодующе перебил речь обвинителя Муравьева Алексей Васильевич, рывком привстав со своего места. – Когда это мы кого грабили?!

Получив ссылку в Тобольск, Огонь-Догановский и там не выпускал карт из рук. Более того, он сумел организовать в городе небольшое коммерческое предприятие, опять-таки касаемое его главного пристрастия, спросив на то разрешение-лицензию у местных властей. Сие предприятие Огонь-Догановского состояло в том, что Алексей Васильевич обучал всяким премудростям карточной игры богатеньких купеческих сынков, тоскующих по острым ощущениям домовладельцев-мещан и юных студюозусов, мечтающих, по молодости и глупости, разом разбогатеть, не прикладывая к этому никаких особых усилий. Еще его обучение проходила одна милотвидная и явно скучающая вдовица первой гильдии купца Родиона Степановича Крашенинникова по имени Евдокия Мансуровна, которая станет впоследствии супругой «валета» – Эдмонда де Массари. Обучение происходило сугубо по пятницам и стоило ученикам по четвертному билету ежемесячно. Суммы эти платились не зря – у Алексея Васильевича Огонь-Догановского было чему поучиться...

После окончания срока ссылки Алексей Васильевич подался в городок Поречье, где у него было имение. «Граф» Давыдовский был приглашен Огонь-Догановским ехать вместе и после недолгого раздумья согласился, поскольку проживание в столицах империи было запрещено и ему.

Конечно, можно было довольствоваться имеющимся – а имелось, и прилично. Кроме того, имение приносило доход, позволявший жить спокойно и безбедно.

Алексей Васильевич ничего не имел против безбедного существования, собственно, как и «граф» Давыдовский. Однако оба они категорически протестовали против безмятежного существования. На них навредило немилосердную тоску только одно это слово. Ну, скажите на милость, как существовать бездеятельно двум авантюрным натурам, привыкшим к риску и напряженной работе мыслей?

Зиму 1882 года они скоротали в Поречье на Каспле, городке, где у смоленского помещика Алексея Васильевича Огонь-Догановского и было имение. Огонь-Догановский пробавлялся тем, что обучал разным карточным играм юнцов, но все это было скучно, совершенно неазартно и малоодоходно. Деятельная натура «старика», хоть ему и стукнуло нынче уже пятьдесят пять годочков, требовала серьезного дела.

Павел Иванович писал роман, но дело шло туговато. Ему, как и «старика», хотелось чего-то большего и деятельного, нежели вождение скрипучим пером по листам бумаги.

Когда открылась навигация, бывшие «валеты» составили пару и стали играть на пароходах в баккара, вист и фараона, за сезон обчистили пару десятков простофиль из купцов и мещан, любивших перекинуться в картишки, чтобы скрасить долгий путь, но вскоре стали узнаваемы, едва не были биты и с пароходами связываться перестали (снова загреметь за мошенничество в края сибирские не было никакого желания).

Осенью и в начале следующей зимы приятели затеяли игру в штос и банк в поездах, однако плутоватую парочку довольно скоро вычислили, и после посещения полицейской управы в Смоленске и разговора с полицмейстером и вице-губернатором с игрой в поездах также пришлось «завязать». Впрочем, все это была мелочь, чтобы хоть как-то дотянуть до чего-то более масштабного. Их азартные натуры требовали настоящего «дела». Аферы, которая бы захватила их полностью и отняла все время и все мысли. И, конечно, принесла бы ощутимый доход, поскольку оба были уже далеко не юнцами, особенно Огонь-Догановский, и попусту рисковать не хотелось.

Вскоре таковое дело нашлось. Ведь кто ищет – находит. Они организовали частное акционерное общество «Друг коннозаводства», где сумели нажить сорок тысяч рублей. Возможно, что их афера осталась бы безнаказанной, если бы не пострадал родной брат губернатора, вложивший в предприятие все свои накопления. Генерал-губернатор отдал распоряжение полицмейстеру, а тот пригласил Огонь-Догановского на беседу и прямым текстом объявил:

– Я советую вам и вашему приятелю господину Давыдовскому покинуть Смоленскую губернию. И чем скорее, тем лучше.

– Вот как?

– В противном случае мои люди будут ходить за вами по пятам. Каждый день. Днем и ночью. Ни часу, ни минуты вы не будете оставаться без присмотра. Это я вам обещаю. И через четверть часа после того, как вы совершите какое-нибудь новое противозаконное деяние, я буду об этом знать. И приду к вам уже более подготовленный, чем сегодня. Я буду для вас Всевидящим Оком, поверьте мне на слово, господин Огонь-Догановский.

Алексей Васильевич поверил.

Потом он переговорил с «графом», в результате чего они решили последовать совету полицмейстера Данзаса.

– Значит, едем? – весело посмотрел на Алексея Васильевича «граф».

– Едем, – коротко ответил Огонь-Догановский.

– И куда?

– В Казань, разумеется!

Так Алексей Васильевич Огонь-Догановский и Павел Иванович Давыдовский оказались в Казани. То есть в группе Всеволода Аркадьевича Долгорукова.

Глава 2. Указующий перст Севы Долгорукова, или Ловцы и зверь

Шляпа и правда была великолепной. Это заметили все, а самый старый из бывших «валетов», Огонь-Догановский, даже уважительно поцокал языком, выражая таким образом высшую степень восхищения.

– Знатная шляпа, – сказал Неофитов, подойдя к Ленчику и оглядев его. – Где обзавелся?

– На Гостином дворе, – не без гордости ответил Ленчик.

– Я бы тоже желал иметь такую, – заявил Неофитов.

– К такой шляпе нужна трость, – подал голос «граф» Давыдовский. – И ты станешь просто неотразим.

– Ты думаешь? – повернулся к нему Ленчик.

– Уверен, – ответил «граф».

– Да он и так уже настоящий денди, – хмыкнул Африканыч. – А вот трости и правда не хватает.

– А вы что думаете, Всеволод Аркадьевич? – спросил Ленчик Долгорукова.

Давно перейдя со всеми на «ты», даже со «стариком», Ленчик никак не мог позволить себе так же обращаться и к Долгорукову, хотя тот абсолютно не был бы против. Наверное, помимо степени уважения сказывалось еще и то, что Всеволод Аркадьевич был в их группе старшим. То есть в некотором смысле шефом. А к начальникам всегда следует обращаться на «вы», и никак иначе. Уж так его, Ленчика, воспитала жизнь...

– Что я думаю? – оторвался от газеты Сева. – Я думаю, – он задумчивым взглядом обвел всех присутствующих, – что Их Императорское Высочество обязательно посетит Казань. Не в первый путь, так по возвращении с выставки.

– Ты это о чем? – внимательно посмотрел на Долгорукова Огонь-Догановский, и взоры оставшихся троих членов команды обратились к патрону.

– Я о Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в Екатеринбурге, – ответил Сева. – А вы о чем?

– А мы о новой шляпе Ленчика, – ответил Самсон Неофитов. – Тебе она нравится?

– Нравится, – мельком взглянул на Ленчика Долгоруков.

– Так что это ты там говорил о выставке? – не спускал взора с Севы Алексей Васильевич, чуживший, что разговор Долгоруков завел не зря...

– А вот, послушайте, – Всеволод Аркадьевич пошуршал газетой и принялся читать вслух:

«На днях Высочайше был утвержден Устав Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки, открытие которой предварительно намечено на июнь месяц последующего, 1887 года. Почетным Президентом выставки единодушно был избран председатель Государственного Совета великий князь Михаил Николаевич, на что Их Императорское Высочество изъявил радушное согласие вчерашней телеграммой на имя губернатора Пермской губернии, действительного статского советника В. В. Лукошкова. Таким образом, инициатива Уральского общества любителей естествознания в организации сей выставки, возникшая еще в 1884 году, не осталась лишь предложением и на данный момент вступила в свою завершающую фазу. Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка в Екатеринбурге имеет целью ознакомить всех интересующихся процветанием восточных окраин Российской империи с результатами научных исследований Сибири и Урала в естественно-историческом отношении. Вместе с утверждением

Устава выставки последовало Высочайшее повеление об отпуске суммы на расходы, и стало поступать много пожертвований от частных лиц и земских учреждений...»

Сева неторопливо отложил газету.

– Мне не совсем понятно, к чему ты клонишь, – буркнул Огонь-Догановский.

– И мне, – посмотрел на Севу Африканыч.

– Я тоже покудова не пойму, к чему ты это нам прочитал, – сказал «граф» Давыдовский. –

А что это была за газета?

– «Пермские губернские ведомости», – торжественно ответил Долгоруков.

– Ты их читаешь? – не то чтобы сильно удивился Огонь-Догановский.

– Да, читаю, – ответил ему Сева. – Как и нижегородские, вятские, саратовские и прочие «Ведомости». Иногда очень полезно знать, что происходит в соседних губерниях.

– Это верно, – без особого энтузиазма заметил Африканыч.

– А ты тоже ничего не понял? – перевел взгляд на Ленчика Всеволод Аркадьевич.

– Ну-у, – протянул Ленчик, – возможно, вы правы, и великий князь поедет на открытие этой выставки, потому как он ее президент. А поскольку ему не миновать Казани, то он, может быть, остановится в ней на денек.

– Та-ак, – сразу оживился Долгоруков. – Что еще ты думаешь по этому поводу?

– Он, стало быть, посетит в городе несколько мест... Кафедральный собор, Богородицкий монастырь. Примет участие в обеде в его честь, куда можно заполучить приглашение, ежели очень постараться, ну и чего-нибудь *провернуть*...

Долгоруков поднял кверху указующий перст:

– Во-от... Вот! Провернуть! Учитесь, господа! Учитесь у молодых, и тогда вы никогда не станете старыми. Я имею в виду ваши мозги.

– Ты намерен затеять аферу с великим князем? – Брови Огонь-Догановского взлетели на лоб. – Облапошить особу из царственного дома, великого князя, председателя Государственного Совета империи?!

– А почему бы и нет? – весело посмотрел на «старика» Долгоруков. – Говорят, что Их Высочество человек недалекий.

– Он военный, – заметил «граф» Давыдовский.

– И что? – посмотрел на него Сева.

– Это значит, будет рубить с плеча, если что, – продолжил свою мысль «граф».

Сева нахмурил брови:

– А вот этого «если что» быть не должно...

* * *

Разговор происходил в гостиной зале милого двухэтажного особняка, усадьба какого заканчивалась на задах крутым каменистым склоном. Так что ежели вдруг случись какая напасть, то подобраться к особняку можно будет только с фасада, то бишь заметно для хозяина.

Усадьба эта на Старогоршечной, тихой зеленой улочке близ сада Ворожцова, принадлежала ранее поповой дочке Аграфене Покровской. Известное дело, какво житье у детей человека духовного звания: туда нельзя, да и сюда невозможно. Но вот поди ж ты, – влюбилась Аграфена Пафнутьевна в прапорщика Гервазия Захарова, роду дворянского и весьма древнего, что доказано справками Разрядного архива и Вотчинного департамента, представленными в шестой части Дворянской родословной книги. Влюбилась да и сбежала от своего батюшки с поселка Высокая Гора в губернский город Казань, заслужив тем самым отцово проклятие, какво им в ее адрес и было троекратно произнесено.

В Казани же, стало быть, она и повенчалась с прапорщиком. Случилось это событие в 1811 году, а в двенадцатом «враг рода человеческого» Наполеон Буонапарте пошел на Россию войною, дабы подчинить себе русский народ и погубить православную веру.

Ушел тогда прапорщик Гервазий Захаров на войну. Воевал честно и храбро, брал вражеский город Дрезден, в коем деле лишился всех своих нижних телесных членов. Вернулся он в чине капитана, но без ног и без детородного органа, который ему оторвало вместе с ногами и руками.

Прожил затем отставной пехотный капитан Захаров недолго. Пил горькую, сильно и каждодневно, затем плакал и проклинал судьбу. А потом случился с ним сердечный удар, после которого осталась Аграфена Пафнутьевна вдовицей на весь свой оставшийся век. Жила она тихонько, почти не выходила из дома, а в восемьдесят первом году отдала Богу душу. Дом на Старогоршечной за неимением родственников перешел во владение городской управы, и его купил Сева Долгоруков в собственное частное владение.

Тихая была улица Старогоршечная, спокойная. Посторонних здесь и не бывало. Да и свои, рядышные жители старались без надобности из дому не выходить. А все потому, что находился близ нее небезызвестный в городе сад Ворожцова, странный, загадочный и печально знаменитый. Ну, есть же в далекой Англии замки с привидениями. Так вот, сад Ворожцова был чем-то наподобие этих пугающих замков.

Все началось с того, что некто Николай Порфирьевич Ворожцов, потомственный дворянин, служивший по горному ведомству, выйдя в отставку, приобрел по правую руку Старогоршечной улицы усадьбу с рощей. Роща была весьма запущена, а посему разбил он в ней, где не было оврагов, кое-какие аллейки да установил на них с пяток скульптур, стилизованных под античность. И стала рощица зваться садом. То есть местом культурным, предназначенным для отдохновения и неспешных прогулок. После этого привез отставной горный инженер в усадьбу жену с детьми и зажил жизнью казанского обывателя, такого же, как и все прочие. Но только на первый взгляд. И вовсе не потому, что дворянские собрания и разные рауты, балы и званые обеды он не посещал и не терпел к себе визитеров. Не оттого, что был крайне замкнут и весьма необходим. А в силу того, что творил он в своей усадьбе непотребные и решительно богопротивные дела...

А что такое град Казанский?

К слову сказать, большая деревня, впрочем, как и прочие губернские города, не исключая и белокаменной Москвы. Слухи и домыслы в таких городах распространяются с быстротой езды экипажа Ваньки-лихача с биржи на Театральной, ежели не быстрее. И пополз по городу слух, будто бьет Ворожцов своих дворовых людей немилосердно, а сам при этом испытывает некую паскудственную радость.

В общем, слух был довольно правдив. Отставной горный инженер Николай Порфирьевич Ворожцов вполне мог засечь дворового человека до смерти за самую ничтожнейшую провинность. А уж ежели провинность была велика в его глазах, то смертельного наказания провинившемуся было не миновать совершенно. Запоротых и зарезанных им до смерти людей господин Ворожцов, без всякого отпевания и прочих православных покойницких обрядов, самолично закапывал в своем саду. Говаривали, что таковым манером Николай Порфирьевич загубил около четырех десятков человек, превратив свой сад в кладбище. Правда, без крестов и могильных надгробий.

Его воле попытался воспротивиться сын. Он собрался донести на безобразия отца городским властям, но Ворожцов, прознав о том, уже не выпустил его из усадьбы, оставив в ней навек: засек сына кнутом до смерти и закопал там же, в страшном саду.

Дочь Ворожцова, не выдержав душевных мук, сбежала из дому. Опять же поговаривали, что видели ее в одном развеселом доме, какие по полицейскому жаргону стали зваться в народе

притонами. Кончила она плохо: померла в сифилитической клинике профессора Артура Генриховича Ге.

Сам Николай Порфирьевич скончался ранним майским утром 1857 года. Врачи констатировали сильнейший апоплексический удар. Схоронив Ворожцова, его супруга тотчас подалась в Свияжский женский монастырь – верно, отмаливать у Бога тяжкие мужнины грехи. А в опустевшем доме вскоре поселились привидения.

Многие обыватели были свидетелями того, как по дому и саду бродят ночами тени, чернее ночи. Изредка можно было узреть привидения и вечером. В белых одеяниях, похожих на исподнее, они неприкаянно слонялись по саду, проходя через деревья и кусты. То души убиенных барином дворовых людей не могли найти себе покоя, поскольку не были захоронены положенным церковным обрядом и не отпеты. Сад Ворожцова со временем запустел, а дом сгорел. То ли его подожгли, то ли дом воспламенился сам. Так иногда бывает, когда в доме *нечисто*...

С тех пор сад Ворожцова казанские обыватели обходили стороной. Даже если он лежал им по дороге. Ну его к лешему, этот сад! Еще повстречается какой-нибудь дворовый Степка с дырами вместо глаз и облезлой кожей на лице и руках. Страху потом не оберешься. Да и портки, опять же, стирать...

Сию легенду, а вернее, правдивую историю честно рассказали Севе Долгорукову в городской управе, когда он пришел торговать усадьбу. Еще ему поведали о том, что усадьба давно в торгах, да вот никто ее не берет, поскольку все опасаются этой близости со зловещим садом Ворожцова, по которому бродят привидения. Однако Всеволод Аркадьевич не смутился услышанного и усадьбу приобрел. Благо продавалась она в связи с поведенными ему обстоятельствами задешево, а место и вправду было покойным и безлюдным. Чего Севе Долгорукову и надобно было. Не век же в гостинице проживать, пусть и с названием «Европейская». Да и глаз за ним в усадьбе будет меньше, нежели в гостинице...

* * *

– И как ты думаешь использовать приезд в Казань великого князя? – посмотрел на Долгорукова не без оттенка иронии Огонь-Догановский.

– Покудова не знаю, – честно признался Сева. – Вот, хочу послушать ваши предложения.

– Я, – быстро произнес Африканыч. – У меня есть предложение.

– Говори.

– Марокканские железные рудники...

– Опять? Ты еще не оставил эту свою затею? – недовольно спросил Всеволод Аркадьевич.

– А что? Вполне приличная афера. И главное – масштаб! Мировой! – буквально вылетел из своего кресла Неофитов.

– А что за рудники? Почему мы не знаем? – посмотрел на Огонь-Догановского «граф».

– Да я просто не хотел звонить вам раньше времени... – сказал Неофитов.

– Ну вот, время пришло. Говори, – насмешливо произнес Долгоруков.

– В общем, идея такова: мы закупаем акции Марокканских железных рудников и вовлекаем в состав акционеров известных личностей. Великий князь Михаил Николаевич нам как нельзя кстати будет. Когда он станет акционером – а это как раз можно будет решить на обеде по приезде его в Казань, – мы сообщаем об этом всему миру. Стоимость акций взлетает вдвое, а потом мы продаем контрольный пакет английскому правительству...

– Англичане будут год проверять, затем еще год думать и торговаться, – попытался умирить пыл Африканыча Долгоруков.

– Ну, тогда мы продадим акции французскому парламенту, – быстро нашелся Неофитов. – Лягушатники прибыль чувят с ходу...

– А вот этого тебе не позволят сделать испанцы, – заметил Всеволод Аркадьевич.

– Это как так? – не собирался сдаваться Африканыч.

– Они не дадут французам владеть рудниками, ведь Франция – первый враг Испании в африканском вопросе. Ты забыл, что испанцы почти полностью контролируют султанат?

– Ну-у, не все так мрачно, Сева...

– Да мрачно, Самсон, все очень мрачно. Тут надо придумать что-нибудь поинтереснее. Время покуда есть...

– А акции, конечно, тебе должен был бы рисовать тот самый человек, что подделывал ценные бумаги, сидючи в губернском тюремном замке? – усмехнулся Давыдовский.

– Он самый, – улыбнулся в ответ Африканыч. – А кто же еще? Уж не думал ли ты, что я и впрямь буду выкладывать собственные денежки за эти марокканские бумажки?

– Нет, не думал, – вполне серьезно ответил «граф».

– И на том спасибо, – так же серьезно ответил Неофитов, слегка разочарованный тем, что Долгоруков отказался от его предложения. Но шеф на то и шеф, чтобы его слушать и поступать так, как он велит...

– Значит, так, – Всеволод Аркадьевич посмотрел на Ленчика: – Твоя задача: где хочешь, но найди мне свежие екатеринбургские газеты. У них выходят «Екатеринбургская неделя» и, с недавнего времени, еще «Деловой корреспондент». Каждый день свежие номера этих газет должны лежать у меня на столе. Понял?

– Ага, – тотчас ответил Ленчик, соображая, как лучше исполнить распоряжение.

– Касательно великого князя... – раздумчиво произнес Сева. – Что нам известно о нем?

– Он по матери Гогенцоллерн, как и все его братья, – сказал Огонь-Догановский. – Еще он усмиритель Кавказа.

– Еще?

– Ему немногим за пятьдесят, – добавил Давыдовский.

– Еще? – повторил свой вопрос Долгоруков.

– Службу начал кадетом в Первом кадетском корпусе. В восемнадцать неполных лет был уже полковником, – добавил «граф». – Участвовал в Крымской кампании.

– Это все общеизвестно, – заметил Всеволод Аркадьевич. – Меня интересуют его привычки, сильные пристрастия...

– Он ретроград, – выпалил Ленчик.

Все взоры устремились на самого младшего из команды.

– Откуда это тебе известно? – спросил Сева.

– Слышал, – ответил Ленчик. – От безногого Митяя, своего бывшего подельника.

– Что ж, пожалуй, что и так, – согласился Долгоруков. – Что нам еще известно?

– У него много детей, – произнес молчавший до того Неофитов.

– Еще?

В гостиной зале стало тихо.

– Что, и все? – спросил Сева. – А где привычки, пристрастия, слабости? Ведь это самое главное в нашем деле.

Молчание не прервалось.

– Хорошо. Ты, – Сева посмотрел на Давыдовского, – собери мне полную информацию по великому князю. Включая сплетни, слухи, домыслы. Особое внимание обрати на привычки и пристрастия.

– Понял, шеф. Но для этого мне придется съездить в Петербург, – сказал «граф».

– Поезжай. Только не попадись полиции. Ты, – повернулся Всеволод Аркадьевич к Неофитову, – сведи нужные знакомства и выясни, какую культурную программу готовит губернская и городская администрации к визиту Его Императорского Высочества. Куда его поведут, кого ему будут представлять, будет ли торжественный обед и что надобно, чтобы на этот обед попасть.

– Ясно, – ответил Африканыч.
– Что делать мне, Сева? – спросил Огонь-Догановский.
– Корректировать наши действия, – ответил Долгоруков. – Ты – наш начальник штаба.
– А вы что будете делать? – неожиданно для остальных спросил Ленчик.
– Наблюдать. Думать. Слушать, – не удивившись вопросу Ленчика, ответил Сева. – Ну, и на мне заключительный аккорд всей нашей... *кантаты*. Финальный выход, так сказать. Правда, еще не знаю, в чем он будет заключаться...

На этом разговор покуда и закончился. Ловец для команды Долгорукова уже выискался. Зверь – Его Императорское Высочество великий князь Михаил Николаевич – наметился. Осталось соорудить крепкий капкан.

Глава 3. Гадский отступник, или Царь всех армян

Каждый индивид рождается особенным. В чем-либо. Павлик Давыдовский родился сильным. Как в плане здоровья, так и в смысле принятия решений. То есть самостоятельным, с твердым внутренним стержнем, не умеющим ни ломаться, ни гнуться.

После первого же посещения цирка вместе с отцом, тогда еще статским советником, насмотревшись на атлетов, жонглирующих двухпудовыми гирями и пушечными ядрами, Паша Давыдовский загорелся гиревым спортом. Он упросил отца купить ему гири и гантели и совершеннолетие встретил не томным юношей с изнеженной позатурой, а весьма крепким молодым человеком с развитой мускулатурой и крепкой грудью, о которую запросто можно было разбить в кровь костяшки пальцев.

Вообще, с ним было лучше не связываться. Однажды заскучавшие было «валеты» вспомнили выходку небезызвестного корнета Савина, короля российских мошенников. Савин, проживая в Париже, поспорил с одним знакомым банкиром, что ежели его высадят из экипажа на одной из центральных парижских улиц в одном исподнем и оставят так одного, то он через три часа вернется туда, откуда его увезли, одетым и с тремя тысячами франков в кармане. И вернулся в означенное время во фраке, пошитом словно на него, дорогушем цилиндре и с новеньким портмоне, в коем находилось четыре тысячи франков. Недолго думая и дабы развеять тоску и разогнать застоявшуюся кровь, «валеты» решили повторить *опыт* знаменитого афериста и в одно прекрасное утро высадились в разных частях города в одном исподнем. Их задача заключалась в том, чтобы вернуться к двум часам пополудни с добычей. Победителем будет считаться тот, кто вернется в гостиницу наиболее обеспеченным в денежном выражении...

Давыдовского в одних портках высадили на Черноозерской улице. Ему повезло. Рядом оказался цирковой балаган братьев Домбровских, куда он и направил свои стопы. А потом ему повезло еще раз: подставной артист, якобы из публики, что должен был бороться с атлетом по прозвищу Железная Маска, впал в русскую болезнь, то бишь запой, и на представление не явился. И Давыдовского сделали подставным, ведь позатура у него была что надо. Ему надлежало лишь продержаться какое-то время против Железной Маски и получить за это червонец. «Графа» приодели цеховым, посадили на второй ряд и велели выйти тогда, когда Железная Маска в конце своего номера бросит вызов собравшейся на представление публике. Мол, выходи любой, кто желает померяться со мной силою. А потом Железная Маска совершил ошибку (как это выяснится позже), заявив:

– Кто продержится против меня минуту – плачу четвертную. Кто две минуты – получит половину сотни. Кто выстоит против меня три минуты – получит семьдесят пять рублей. Ну, а кто собьет меня с ног, – обвел взором Железная Маска публику, – тому плачу сотенную.

Уж слишком Железная Маска был уверен в собственных силах...

Давыдовский, окрыленный быстрым заработком, вышел против атлета. «Красенькая» в его положении – это было уже что-то! Но он не только продержался против Железной Маски три минуты и не дал ему положить себя на лопатки, хотя и находился пару раз в «партере» и был бросаем атлетом «перегибом» и «разворотом», но и сбил его с ног, уронив прямо в опилки! Казалось, сотенная у Давыдовского в кармане. Ан нет! На его победу никто не рассчитывал, и Павлу Ивановичу силой пришлось выбивать свою сотню. А когда он покидал балаган, то был встречен тремя цирковыми акробатами не робкого десятка. Раскидав их по сторонам, Давыдовский вернулся к двум часам победителем – правда, с крупным синяком под глазом. Так что с Павлом Ивановичем и вправду лучше было не связываться...

Под стать был и характер «графа». Решения он принимал быстро и шел к ним бесповоротно, пока, наконец, не выполнял поставленной задачи. К примеру, не закончив Императорского училища правоведения, куда был определен отцом, он захотел стать известным авантю-

ристом и мошенником. И стал им. Ну не по нраву ему была размеренная и известная наперед жизнь. Как, скажем, у отца. Ведь тоска же, господа хорошие, просиживать штаны в Департаменте или даже Министерстве юстиции, куда Павел Давыдовский должен был попасть служить после окончания училища правоведения, дожидаясь очередного чина, повышения по службе или ордена в петличку. Да и воли, собственно, никакой. А тут – свобода, напор, риск. Словом, все, что ему было надобно. Да и товарищи его – не чинуши напыщенные, как у отца или бывших его знакомых по училищу, а веселые и умные люди, так же, как и он, любящие свободу, предприимчивость и риск...

* * *

Санкт-Петербург встретил Павла Ивановича нескончаемым морозящим дождем и мелкими лужами на мостовых. Николаевский вокзал был сер и мрачен. Ему, верно, не нравился дождь и мокрые люди, тоже серые и невеселые. Ванька с привокзальной биржи в негнущемся дождевике с капюшоном и жестяным нумером на спине быстрехонько домчал его от Знаменской площади до Сангальского сада на Лиговке, близ какового, поодаль от улицы, стоял небольшой двухэтажный особнячок с деревянным верхом и каменным низом. Здесь, по возвращении из Сибири, проживал один из бывших «валетов» – Константин Валентинович Плеханов.

Их было девять человек, коих по решению суда отправили в Западную Сибирь, в ссылку. Помимо Огонь-Догановского, Африканыча и самого «графа» – Павла Ивановича Давыдовского, на поселение были сосланы Верещагин и Эдмонд Массари – тот самый, что по собственному хотению женился на вдове-купчихе и предпочел сытую и спокойную жизнь неведению, ухарству и риску. А еще в Сибирь не по своей воле поехали разжалованный гусарский поручик Дмитриев; «переговорщик» Протопопов, способный уговорить любого и любую; один из основателей клуба «Червонные валеты», молодчик и женский баловень Каустов, про коих говорят «из молодых, да ранних», и Константин Плеханов. Было Константину Валентиновичу тогда двадцать восемь лет, и в Москве он, до ареста, служил помощником столоначальника Московского Сиротского суда и имел чин восьмого класса, то есть коллежского асессора. По суду помощник столоначальника был разжалован, лишен чинов и состояния, но за него сильно хлопотали его влиятельные дяди, и ему после окончания ссылки было разрешено проживание в обеих столицах. В Москву возвращаться было не резон, и Плеханов осел в Санкт-Петербурге. Один из дядей устроил его в Гербовое отделение Департамента герольдии Правительствующего Сената чиновником тринадцатого класса. Константин Валентинович снимал копии с дворянских родословных, писал дворянские акты и дипломы и сочинял гербы для новых дворян. Место было теплое и хлебное, потому как человек, получивший дворянство или *проясняющий* его, само собой разумеется, желал иметь дворянский диплом с гербом, доказывающий его права и привилегии. Причем диплом, составленный с его личными пожеланиями, равно как и герб. К примеру, герб с изображением рыцарских лат и шлема был более желаемым, нежели без оных; ну, а ежели ко всему прочему имелся бы и меч, то большего и желать было трудно. Посему за латы и шлем на гербе нужно было доплатить *исполнителю* герба весьма немалую сумму. Ну, а ежели на герб требовалась корона – речь уже могла идти о тысячах и тысячах рублей! Ведь корона на гербе означала то, что в роду имеющего таковой дворянина водились представители коронованных особ, то бишь короли, императоры, герцоги и великие князья. Что давало обладателю такого герба и диплома особые привилегии и немалые права.

Словом, помимо жалованья – надо сказать, весьма и весьма скромного, – Константин Валентинович имел довольно приличный побочный доход, складываемый из благодарственных сумм новоиспеченных дворян, *проясняющих* свою родословную. Таких чиновников, как Плеханов, в Гербовом отделении Департамента герольдии Сената было всего двое. Были в отде-

лении еще, конечно, управляющий, секретарь отделения, два художника, библиотекарь и архивариус. Вот, собственно, и вся братия.

Управляющему, после того как прошение дворянина об изготовлении диплома и герба удовлетворялось общим собранием Департамента герольдии, предписывалось изготовление диплома и техническая разработка герба. Для чего Плеханов или второй чиновник, по фамилии Костливец, собирали все необходимые сведения о дворянском роде просителя и характере его бывших и настоящих занятий. Тут от них зависело многое: сочтут ли они нужным учесть то-то и то-то или что-нибудь добавить. Зачастую по желанию просителя. За что и шла в их карманы благодарственная доплата.

Затем на основании собранных чиновниками материалов ими же составлялось описание герба, после чего художники Гербового отделения рисовали герб. Тот утверждался вначале на общем собрании Гербового отделения, затем герольдмейстером и уходил к министру юстиции. После чего попадал на стол к государю императору для высочайшего утверждения. Получивший утверждение герб передавался обратно министру юстиции, а тот передавал его герольдмейстеру для выдачи просителю. Дворянский диплом с гербом стоил просителю очень дорого, и не надо, очевидно, даже говорить, что по выдаче диплома с гербом, в котором были учтены пожелания просителя, чиновникам Гербового отделения снова переплавали внушительные благодарственные суммы.

Помимо непосредственных деяний по изготовлению дипломов, грамот, гербов и копий с родословных, на отделение возлагалась и обязанность разработки геральдической науки с желательной публикацией полученных исследований. А поскольку управляющий Гербовым отделением, статский советник Бернгард Карлович Кене, будучи сыном бременских музыкантов, был страстным нумизматом, но ни на грош не смыслил в геральдике, то наукой, по мере возможности, ума и знаний, занимались секретарь отделения и, опять-таки, Плеханов с Костлицевым.

За четыре с половиной года службы Константин Валентинович столь поднаторел в геральдических вопросах, что написал и опубликовал в журнале «Северное сияние» аналитическую статью на двухтомное издание «История родов русского дворянства» писателя и генеалога Петра Николаевича Петрова. Более того, он подверг критическому замечанию некий довольно сомнительный постулат Петрова касательно одной из ветвей князей Рюриковичей, в чем оказался прав и был поддержан учеными-историками Григоровичем и Виленским.

За это время Константин Валентинович перебрался из тринадцатого класса в девятый и не был намерен останавливаться на достигнутом. Ему вот-вот светило место секретаря и восьмой класс, то есть утраченный ранее чин коллежского асессора.

А еще в качестве приза Константин Валентинович прикупил симпатичный особнячок на Лиговке близ Сангальского сада и владел ценными бумагами, приносящими ему годовой доход в сумме семи тысяч рубликов, что было весьма недурственно, ежели учесть, что сам господин управляющий Гербовым отделением его высокородие Бернгард Карлович Кене имел годовое жалованье всего-то около трех тысяч рублей. Спрашивается: зачем ему, Константину Валентиновичу Плеханову, заниматься разного рода аферами и махинациями и подставлять свою лысеющую голову под плаху правосудия, то есть рисковать, когда он и так имеет все, что желает, причем без особых проблем? И денежки текут к нему хоть и не рекой, но зато никогда не ослабевающим ручейком.

Риск? Все очень просто: он надобен для натур юных и страстных. Или тех, кто душою не повзрослел, хотя телом давно не юн. А у него душа соответствует возрасту: тридцать шесть годочков с гаком. Возраст далеко уже не нежный, так сказать. И к риску и всяким резким телодвижениям, как в прямом, так и в переносном смыслах, не очень и склонный.

Так, ну или примерно так Константин Валентинович и высказался «графу» Давыдовскому, когда тот прибыл в особняк на Лиговке.

Поначалу они, конечно, пожали друг другу руки и даже обнялись – как-никак вместе кантовались в Сибири пять годочков, а до того, в бытность «Червонными валетами», проводили кое-какие совместные дела, – но после, в процессе разговора, стали отдаляться друг от друга с быстротой пущенной сильной рукой стрелы. Или пули. А еще лучше – молнии. И в конце беседы, еще до того, как Давыдовский ушел, громко хлопнув на прощание дверью, отделились настолько, что стали совершенно чужими. Хуже того: они сделались врагами. Потому как друг, отказавший в помощи, не просто чужой человек, он становится врагом. Именно так думал Павел Иванович Давыдовский, топающий по набережной Лиговского канала неизвестно куда.

После такого разговора ноги топают в одном им известном направлении, голова бывает занята мыслями о состоявшемся разговоре с обидчиком. Потом вы вдруг приходите в себя и обнаруживаете, что стоите посереде какой-нибудь площади. Ноги гудят, голова тяжелая, и вы не знаете, что делать далее и куда идти.

С Давыдовским случилось несколько иначе. Вначале его понесло по Лиговке просто прочь от дома этого мерзавца Плеханова, отказавшегося помочь ему собрать сведения про великого князя Михаила Николаевича. А ведь что он, Давыдовский, попросил у этого отступника? Принять участие в какой-нибудь хитроумной махинации? Нет. Быть наводчиком в новом деле? Тоже нет. Может, Павел Иванович попросил у него околпачить подвыпившего купчика? Увольте, господа! А-а, Давыдовский, верно, велел Плеханову продать тупому кабатчику дворового пса, выдав его за какого-нибудь бернского зенненхунда или чепрачного блаухунда? Да ничего подобного! Павел Иванович только и всего, что попросил бывшего «валета» побольше разузнать про Его Императорское Высочество Михаила Николаевича. Не бросить в него бомбу, не стрелнуть в живот из револьвера – только собрать кое-какие сведения. И получил от ворот поворот!

Вначале Давыдовский даже не сообразил, что ему отказывают. И повторил свой вопрос:

– Мне и надо всего-то, что знать его слабые стороны. Ты в Сенате, как-никак, служишь, и сам небось кое-что про Его Высочество знаешь. А потом, поспрашивай у своих сослуживцев, знакомых. Надо полагать, кто-нибудь что-нибудь да знает...

– Не могу, – ответил гадский отступник. И прибавил: – Не могу и не желаю в этом участвовать.

– Да в чем участвовать-то? – недоуменно спросил Павел Иванович.

– В вашей афере против великого князя. Я теперь – законопослушный гражданин, а ввязываться в ваши сомнительные предприятия мне нет никакого резону.

Вот после этих слов у Давыдовского и открылись глаза. И он понял, кто сейчас находится перед ним. И имя ему – отступник и мерзавец, а еще – враг на веки вечные...

– А домик этот, – Павел Иванович окинул взглядом стены гостиной залы, – он что, твой собственный?

– Собственный, – не без гордости ответил Плеханов, довольный, что разговор перешел в иное русло.

– Видать, дорого стоит? – простецки спросил Давыдовский, глядя поверх головы отступника.

– Разумеется, – подтвердил мерзавец.

– И что? – вперил в Константина Валентиновича прокурорский взгляд «граф» Давыдовский. – Ты хочешь сказать, что приобрел его на свое мизерное жалованье?

– Я копил-с...

– Что-о-о?

– Я копил и во многом себе отказывал, – неубедительно произнес мерзавец и отступник.

– Копил он, – язвительно перебил Плеханова Павел Иванович. – Во многом отказывал... У тебя, верно, и восьми червонцев в месяц не выходит в твоей ничтожной должности. Так что, сударь мой, тебе лет пятьдесят-шестьдесят копить на такой вот домик надобно,

не меньше! С условием, чтобы ничего не кушать и ходить нагишом. А особнячок этот твой, собственный, как ты говоришь, на какие такие средства прикупил? – Давыдовский брезгливо посмотрел на бывшего товарища: – Так я тебе отвечу, на какие... Мздоимствуешь, законопослушный ты наш. А может, и казнокрадствуешь...

– Я бы попросил вас, сударь, не забываться, ибо...

– У прокурора будешь снисхождения просить. А также и преуменьшения срока... – опять не дал договорить Плеханову Давыдовский. – А у меня тебе просить нечего. Прощай!

И вышел, громко хлопнув дверью, и потопал невесть куда...

С Лиговки он свернул на Невский проспект. Потом оказалось, что Павел Иванович уже за Фонтанкой, близ Гостиного двора. А потом кто-то схватил его за рукав.

– Это еще что такое?! – выдернул свою руку Давыдовский, вперив тяжелый и недобрый взгляд в остановившего его мужчину. И ахнул:

– Шах?!

– Я-а, – ответил импозантный господин в модном котелке, отличном твидовом костюме-тройке и тростью с янтарным набалдашником стоимостью по меньшей мере двести рублей. Англицкий костюм, верно, стоил еще больше. От господина буквально веяло успехом и немалым достатком, и его толстое щекастое лицо с горбатым, как Комаровский мост, носом и густыми черными усами расплылось в благожелательной улыбке.

– Здравствуй, «Царь всех армян», – улыбнулся Давыдовский.

С пожатием пухлой руки старого доброго товарища Павлу Ивановичу немного полегчало: будто он нес на спине какой-то тяжеленный груз, а теперь свалил его на землю и поднимать уже не собирался.

Давыдовский выпрямился, выдохнул и взглянул в хитрые глаза Шаха:

– Ты-то как здесь?

* * *

Да, это был Шах. Вернее, Султан Эрганьянц, нахичеванский купец, делающий в столице коммерцию, как и множество выходцев из Армении. Один из самых деятельных некогда членов клуба «Червонные валеты», также попавший под колеса судебной колесницы февраля 1877 года, но сумевший избежать и «крытки», и Тобольска, и лишения всех прав и состояния.

Как?

Да очень просто. Вначале он вел себя, как и прочие «валеты». На вопросы судьи и обвинителя отвечал внятно, спокойно и даже с некоторым вызовом. А затем, еще до оглашения судебного приговора, Эрганьянц вдруг пустил изо рта обильную пену и громогласно и всенародно, на весь зал заседаний, объявил себя «царем всех армян». После чего начал приставать к судье с требованием вернуть ему корону и скипетр.

– Я прошу вас сделать эта немэдленна, – приняв величественную позу и вздернув кверху двойной подбородок, заявил судье нахичеванский купец. – Иначе май подданные паднимут против вас мятеж, и вам не паз-да-ровится.

– Успокойтесь, прошу вас, – слегка растерялся судья и посмотрел на приставов.

– Как жи я магу успа-коиться? – вскидывая на судью темные глаза, вопрошал «царь всех армян». – Ви атабрали у меня ка-ро-ону, атабрали скипэтр и типер хатите, чтобы я биль спаккойным?! Любая власть – ат Бога, а ви, пративящиэся этому свящэннаму пастуляту, идете тем самым против самаво Господа. Падобное павэдение нэдастойно служителя закона! Вэрните мне ка-рону и скипэтр. Нэмедленно! Вэрните! Вэрните!!!

В подтверждение серьезности своих намерений в деле возврата непременных атрибутов царской власти Шах затопал ногами и подпустил пены изо рта. Публика в зале зашумела. Такое зрелище вполне было достойно театральных подмостков императорских театров. Прямо

король Лир какой-то. Серьезный настрой процесса был сбит. Кое-где нахичеванскому купцу уже рукоплескали и даже кричали «браво» и «бис»!

Судья, попытавшийся утихомирить разволновавшуюся публику, казался статистом в большом театральном представлении. Главным действующим лицом спектакля, его героем, королем, оказался Шах, который продолжал топтать ногами и властно требовать корону и скипетр. Более ничего не оставалось делать, как вывести его из зала. «Червонные валеты», вполне понимающие, что Шах симулирует сумасшествие, тем не менее хмурились, осуждающе смотрели на судью и обвинителя и скорбно качали головами. Дескать, вот ведь до чего довели человека безжалостные судебные сатрапы. Ни чести у них-де, ни совести... А Огонь-Догановский, словно бы проникшись к Шаху неизбывным сочувствием и переполненной душой жалостью, крикнул судье:

– Да отдайте же вы ему, ваша честь, корону и скипетр!

После этой реплики Алексея Васильевича, самого почтенного из «валетов», зал судебных заседаний взорвался хохотом. Масла в огонь подлило новое появление Шаха в зале заседаний. Вырвавшись, очевидно, на время из цепких лап судебных приставов, он сумел просунуть голову в дверной проем судебной залы и возопить:

– Армянский и русский народы – братья навек!

Через совсем небольшое время Шах был свезен в смиренный дом – желтое здание Преображенского дома умалишенных, по одну руку от которого находились остатки Екатерининской богадельни, а по другую – Московская исправительная тюрьма. Словом, соседство было еще то. Проведя в «желтом доме» три месяца, Эрганьянц малость присмирел и перестал требовать себе скипетр, настаивая вернуть только царскую корону. Помимо этого, он ежедневно просил главного врача дома скорби помочь ему составить петицию на имя государя императора с просьбой, чтобы тот непременно даровал всем армянам право беспопытной торговли во всех частях обширнейшей Российской империи. У своего санитаря же он требовал зернистой икры, фруктов, шоколадных конфет и коньяку – естественно, армянского разлива. Султан Эрганьянц был настоящим патриотом своего народа.

Еще через месяц врачебный консилиум признал Шаха психически больным в форме прогрессивного паралича и в стадии «общей нервности с бредом величия». Сия стадия, по мнению собравшихся светилов психической науки, грозила перерасти в слабоумие и вызвать распад психики. Было решено применить к нему «специальные» методы лечения. А именно: коловращающую машину Дарвина и «напольные часы».

О, если бы Шах знал раньше, что в медицинской природе существуют такие методы лечения душевнобольных, он тотчас бы перестал, по крайней мере, требовать себе корону и заявлять себя «царем всех армян». Но он о сем не ведал, и в ответ на решение консилиума только хмыкнул и свел глаза к переносице, отчего сделался на время совершенно косоглазым. Подобное поведение больного было воспринято медиками как подтверждение поставленного ими диагноза – прогрессивного паралича, – и этим же днем, ближе к вечеру, двое дюжих санитарей повели его долгим, темным коридором больницы в некий закуток с темной каморкой безо всякого намека на окно. В этом каменном мешке размером две сажени на полторы под потолком висело не совсем обычное кресло. К ножкам его были привязаны веревки, которые были связаны вверху узлом, крепящимся на крюке. Крюк намертво был вбит в потолок. Подлокотники и две передние ножки кресла имели кожаные ремни, к которым пристегивались руки и ноги сидящего. Такое устройство гордо именовалось коловращающей машиной, или Коксовой качелью. «Царя всех армян» усадили в кресло и пристегнули к подлокотникам ремнями. Затем забили в рот кляп и стали крутить шаха по часовой стрелке. Закрутив донельзя, санитары отпустили кресло, и оно стало раскручиваться в обратную сторону, все время увеличивая скорость.

Ощущения, надо полагать, были непередаваемы настолько, что после сорокаминутного сеанса на Коксовых качелях Шах не мог соображать, не мог двигаться, у него отваливался язык. В течение всего последующего часа он беспрестанно блевал и мычал нечто нечленораздельное.

Результаты сеанса на коловращающей машине не замедлили сказаться. Больной Султан Эрганьянц неожиданно перестал называть себя «царем всех армян» и прекратил требовать вернуть себе царскую корону.

Сеансы с Коксовой качелью повторились еще три раза. После чего лечащий врач нахичеванского купца Семен Васильевич Кончаловский констатировал в «Книге больного С. Эрганьянца» «несомненное улучшение касательно общей нервности и мании величия, ибо последняя никак не проявляется в течение уже нескольких дней».

Для закрепления столь положительного результата было решено провести несколько «специальных успокоительных» сеансов на приспособлении, именуемом в обиходе «напольные часы».

– Ну, представьте себе... – рассказывал любопытствующим сам Султан Эрганьянц. – Вас сажают в дэревянный футляр, сдэлаанный в чéловеческий рост и падобный футляру балших напольных часов. Только вмéста часавого механизма в футляр памещают вас, а отвэрстие, где должен находиться цифэрблат, занимается вашей галавой. Патом футляр закрываэтся на замок, и ви ас-стаэтесь стаять вот так стоймя нэсколько часов. Стыдоба и конфуз, которэе ви испытываэте, в счéт нэ идут. Да-а... – вздыхал он; очевидно, подобные воспоминания не доставляли Шаху особой радости. – Вас кормят стоя, ви, прашу прастить меня за стол нэлицеприятные вещи, писаэте, а бывает, и какаэте стоя, патаму как сэсть в таком футляре нэ палуэается. А патом ви выходите из этава футляра, вес унижэнный и аскарбленый, и единственной мэчтой становится жэлание никагда болше нэ пападат в этат футляр. Но вас сажают в нэго эщэ раз, и эщэ... Нэпередаваэмые ащущения...

После проведения сеансов с «напольными часами» положительные результаты в деле излечения Султана Эрганьянца не замедлили сказаться и стали столь явными, что Кончаловский вскоре перевел его в палату для выздоравливающих.

Помимо того, что Шах давно уже перестал требовать вернуть себе корону и считать себя «царем всех армян», Эрганьянц наотрез отказался составлять петицию на имя государя императора с просьбой, чтобы тот непременно даровал всем армянам право беспрошленной торговли во всех частях обширнейшей Российской империи, проявив в сем вопросе настоящее и полноценное здравомыслие. Перестал он требовать у служителя-санитара и зернистой икры, фруктов, шоколадных конфет и коньяку. И вообще стал вести себя вполне рассудительно и разумно.

Еще через три месяца его выписали. Врачи жали друг другу руки и поздравляли сами себя с замечательной и несомненной победой. Так скоро поставить на ноги прогрессирующего душевнобольного и вернуть его обществу – это была бесспорная удача. Доктор Кончаловский даже написал в еженедельный столичный журнал «Врач» большую статью «К вопросу о полном излечении прогрессивного паралича в стадии общей нервности с бредом величия», где на примере истории душевной болезни нахичеванского купца Султана Эрганьянца высказывал мнение о полезности более широкого применения так называемой Коксовой качели и «напольных часов». А Шах, несказанно счастливый тем, что вырвался наконец из «желтого дома», без всякого сожаления покинул Москву и обосновался в Санкт-Петербурге, где его никто не знал и о его прошлом не ведал. За восемь же лет проживания в столице Шах весьма преуспел в коммерческих делах, выцарапал себе раньше положенного срока почетный титул советника коммерции (что приравнялось к чину коллежского асессора статской службы) и теперь писал прошения, в которых ходатайствовал о причислении его, а равно и его будущих детей к потомственному почетному гражданству.

А что? Быть почетным гражданином Санкт-Петербурга, равно как и любого другого города, означало свободу от рекрутской повинности, подушного оклада и телесного наказания. Еще это давало право именоваться во всех актах с почетным гражданством, а также участвовать в выборах по недвижимой собственности и быть избираемыми в городские общественные должности вплоть до мирового судьи или городского головы. Помимо прочего, Шах не совсем чисто поигрывал на бирже, однако ловим за руку не был, да, собственно, никто и не собирался этого делать. Ну, а кто из биржевых игроков чист, как младенец? Таковых нет. Кроме того, Шах был в Санкт-Петербурге личностью известной и весьма уважаемой, и в его знакомцах имелись с пяток гласных городской думы, парочка действительных тайных советников, с десятков статских и военных генералов и сам столичный градоначальник генерал-лейтенант Петр Аполлонович Грессер.

Ну, и чего ему было бояться?

* * *

Итак, пожав руку Давыдовскому и выслушав его вопрос, каким это образом он, Шах, пребывает в Санкт-Петербурге и, похоже, весьма неплохо пребывает, Султан Эрганьянц улыбнулся еще шире и произнес:

– А я здэс живу.

– Давно? – спросил Павел Иванович.

– Восем лэт, – гордо ответил Шах. – С тэх самых пор, как вышел из Преображенского дома.

– Ну, значит, ты здесь многих знаешь? – решил сразу брать быка за рога Давыдовский.

– Знаю коэ-каво, – согласился Шах.

– И из царствующего дома *кое-кого* знаешь? – продолжал допытываться Давыдовский.

– Нэт, из царствующего дома нэ знаю, – задержав на лице старого товарища долгий любопытный взгляд, ответил Шах. – Но знаком с тэми, кто знает коэ-каво иэ этаво дома. А кто тэбя интересует?

– Его Высочество великий князь Михаил Николаевич, – просто ответил Павел Иванович.

Бывший «царь всех армян» снова долго и пристально смотрел на Давыдовского. А потом сказал:

– Слющай, может, зайдём-ка мне, э? Пасидим, вишьём. Атметим нашу встрэчу... Там и пагаварим...

Как выяснилось в процессе разговора, у Шаха на Гостином дворе имелось несколько лавок. Он торговал заморским английским сукном, мехами, фруктами и восточными сладостями. А поскольку входил в Комитет по управлению Гостиным двором, то в доме Комитета имел собственный кабинет с комнатой отдыха, – дверь которой была закамouflирована под шкаф с книгами. В этой комнате и обосновались старые приятели. На столе появились коньяк, икорка, фрукты и все остальное, что положено иметь на столе солидным мужчинам, давно не видевшим друг друга и расположенным к приятным воспоминаниям и последующему за ними деловому разговору.

– А ты помнишь, как Шпейер загнал губернаторский дворец английскому лорду? – спросил после первой рюмки Давыдовский. – Его сиятельство князь Долгоруков возвращается с семьей с дачи, а у него в кабинете хозяйничает этот лорд... И повсюду чужие вещи. Представляешь выражение лица генерал-губернатора?

– Нэт, нэ прэдставляю, – захохотал Шах. – Я бы, навэрнаэ, умер ат вазмущения. А где сэйчас Паша Шпейер?

– Сказывают, в Париже, – раздумчиво ответил Давыдовский.

– А ты помниш, как Валдемар вместе с Африканычем надули этава, как ево, барона Гур... Гур...

– Гурфинкеля? – подсказал старому товарищу Павел Иванович.

– Ага, ево, – снова захохотал Шах. – Всучить прайдохе-барону в фалшивой натариальной канторе купчую на адин из Маркизавых астров с нэсуществующими плантациями этава чудадейственнава фрукта нони, где нэт ничево, кроме скал, – эта был висший класс!

– Это точно, – соглашаясь, кивнул Давыдовский. – Я тогда еще за пару недель до этой аферы подготовил статью о тропических плодах нони. Ну, будто бы сок их очень полезен в медицинском плане: снимает боль и чувство тревоги, придает бодрость и силу и вообще оказывает весьма благотворное воздействие на весь организм человека. А потом опубликовал этот материал во всех московских газетах, чтобы барон Гурфинкель мог это самостоятельно прочесть.

– Помню, помню, сам читал эти газеты, – ухмыльнулся Шах. – Патом за эту тваю идэю пра сок нони ухватилис ученые и будта бы и впрям нашли в них чудадейственную силу. Вах! Ты был самым лучшим мистификатаром срэди нас, граф.

– Ты мне льстишь, Шах.

– Нэт, дарагой, нэ лщу. Все имэнна так и было... – Шах немного помолчал. А потом спросил: – Ты давно видел Валдемара?

– Третьего дня, – ответил Павел Иванович. – Равно как и Африканыча, и «старика».

– Агонь-Дагановский тоже с вами? – удивленно поднял брови Шах.

– С нами, – подтвердил Давыдовский.

– Значит, у вас опят каманда?

– Да, – просто ответил Павел Иванович.

– Ну, что ж... – только и промолвил догадливый Шах.

Он налил еще по рюмке. Выпили. Закусили. И с удовольствием посмотрели друг другу в глаза.

– А помниш... – снова начал Шах.

Они предавались воспоминаниям еще не менее получаса, после чего Шах спросил:

– Что тэбе нужна знат пра великава князя Михаила Николаевича, дарагой?

– А все, – ответил Давыдовский. – Склонности, привычки, слабости, отношения в семье... – начал перечислять он. – Чего он любит, чего ненавидит... Словом, все.

– Ясно, – попытожил Шах. – Тэбе нужна паднаготная великава князя.

– Именно, – подтвердил Давыдовский.

– Харашо, будет тэбе ево паднаготная.

– Я тебе буду очень благодарен, Шах...

– Да ладна... Чево нэ сдэлаеш для старава друга?

Больше Шах ничего не спрашивал. Только когда они прощались, уговорившись встретиться через два дня, Шах попросил:

– Патом как-нибудь расскажэш, э?

– Обязательно, Шах, – твердо пообещал Давыдовский.

Глава 4. Секрет монаха Теофила, или Лазурные запонки

За четыре года проживания в Казани Африканыч приобрел массу знакомств. Особенно с женским полом, до коего был шибко охоч. Кроме того, открытость в общении (конечно, до известных пределов) делала его желанным гостем во многих светских гостиных города, и приятелей со стороны губернской и городской знати у него было также предостаточно.

Начал он с того, что встретился на одной из благотворительных лотерей-аллегри, проводимых в здании городской Думы на Воскресенской улице в пользу детского сиротского приюта, с городским секретарем Николаем Николаевичем Постниковым, одним из четырех главных членов городской управы. Не встретиться с секретарем было просто невозможно, так как Постников был одним из организаторов лотереи. Так что эта встреча, конечно, со стороны Неофитова, ничуть не была случайной.

Самсон Африканыч – человек везучий; прикупив лотерейный билетик, он выиграл, под возгласы присутствующих, великолепные золотые запонки с богемским стеклом лазурного цвета, изготовленным в Нюрнберге в прошлом веке. Запонки эти были произведены с использованием специального рецепта монаха Теофила, почившего еще лет четыреста назад. Так гласила лицензия, прилагаемая к запонкам. История же рецепта, с применением которого были изготовлены эти замечательные запонки, весьма и весьма занимательна. Этот рецепт монах Теофил держал в строжайшей тайне и только на смертном одре поделился им со своим учеником Иоакимом, предпочитавшим варить пиво, нежели выдувать стекло. Отчего Иоаким сей рецепт не использовал и уже на своем смертном одре рассказал о нем своему младшему брату Готвальду, тоже монаху. Готвальд, в отличие от Иоакима, пиво хоть и употреблял в значительных количествах, но сам не варил и был довольно средней руки стеклодувом. То есть мастерством особым не блистал. Но однажды, используя рецепт монаха Теофила, Готвальд выдул вполне приличное дымчатое стекло с нежной лазурью и изготовил из него браслет, который приобрел нюрнбергский купец Эрих Мария Адольф Кюнке. Перепродав браслет в своем Нюрнберге и взяв за него тройную цену, Эрих Кюнке решил выведать рецепт производства такого удивительного стекла и приехал в Чехию. Он поселился в гостинице старейшего монастыря бенедиктинцев в Кладрубах близ собора Вознесения Девы Марии и стал досаждать Готвальду просьбами открыть ему секрет рецепта монаха Теофила. Готвальд ни в какую не соглашался и вскоре изготовил еще один браслет, лучше прежнего во сто крат, опять-таки используя секретный рецепт монаха-стеклодува. Эрих Мария Адольф купил браслет за огромную сумму и был доволен приобретением до крайности. Но еще больше он был бы доволен, ежели бы все-таки узнал тайный рецепт монаха Теофила, так как это желание превратилось в навязчивую идею.

Полтора года нюрнбергский негоциант обхаживал Готвальда, понуждая его открыть секрет. Наконец, Готвальд сдался и сказал, что расскажет секрет выдувания стекла по рецепту монаха Теофила, ежели он, Эрих Мария Адольф Кюнке, согласится на интимную связь с ним. Причем не единожды, а трижды.

Нюрнбергский купец-негоциант поначалу было возмутился, а затем стал раздумывать. Собственно, чего он теряет? Мужскую честь? Но сие понятие – «честь» – относится скорее к области интимно-женской. Честь же мужская – в частности купеческая – состоит в том, чтобы держать слова и служить своему фамильному делу неотступно и со все возрастающим рвением.

Нарушит ли Эрих Кюнке твердое купеческое слово, ежели позволит монаху Готвальду поиметь с ним интимную связь? Нет. Нанесет ли он вред своему купеческому делу, начатому еще прадедом? Ни в коем случае. Напротив, он приумножит благосостояние семьи и усилит свое купеческое предприятие, ежели узнает секрет рецепта монаха Теофила. Стало быть, надлежит согласиться на условия Готвальда и вызнать наконец сей секретный рецепт.

Монах Готвальд был мужчиной весьма плотным и росту едва ли не саженого. Соответственно, и члены он имел весьма внушительные. Посему Эрих Кюнке едва не закричал своим нюрнбергским благим матом, когда бенедиктинец в своей келье предавался с ним содомии. Когда все закончилось и нюрнбергский негоциант, не могущий не то что ходить, но и сидеть, спросил про секретный рецепт, монах спрятал естество под подолом туники, оправил от складок скапулярий и сказал:

– Секрет рецепта монаха Теофила заключается в том, что надо взять две части букового пепла...

После этих слов он замолчал и приготовился выйти из кельи.

– А дальше? – спросил купец-негоциант.

– А дальше – завтра, – ответил Готвальд и покинул келью. Через три четверти часа из нее вышел и Эрих Мария Адольф, получивший к тому времени некоторую возможность передвигаться.

Второе соитие между ними состоялось на следующий день после повечерия, то есть короткого чтения из Священного Писания, респонсория, исполнения одной из песен Симеона, заключительной молитвы и краткого благословения. А когда все закончилось и нюрнбергский негоциант выпрямился, то Готвальд сказал:

– Итак, надо взять две части букового пепла и смешать их с одной частью кремниевого песка...

После этих слов монах замолчал. Эрих Кюнке не стал допытываться, что еще надо смешать с двумя частями букового пепла и одной частью кремниевого песка, дабы получить небесно-лазурное богемское стекло монаха Теофила. Ведь ответ, который бы он услышал, звучал бы следующим образом:

«Завтра».

Поэтому купец-негоциант оделся и вслед за Готвальдом вышел из кельи. На сей раз ходить он мог, хотя немного и враскоряку, как всадник, только что слезший с лошади, на которой он проскакал несколько десятков миль без отдыха и остановок.

Надлежит сказать, что купец едва дождался наступления следующего дня. Мысль о скором получении того, что он так долго ждал и что в настоящее время составляло цель всей его жизни, не давала ему покоя. Ведь скоро, очень скоро он будет знать секрет получения стекла цвета небес!

Третий день служил почти буквальным повторением дня второго. После повечерия и последней на дню молитвы Кюнке прошел вместе с Готвальдом в его келью, после чего состоялось истовое четырехминутное соитие, считающееся в Книге Мертвых двадцать седьмым из сорока двух грехов, а в Ветхом Завете «мерзостью». Новый же Завет трактовал коитус между мужчиной и женщиной деянием крайне «неправедным» и загодя отлучал мужеложников от Царства Божия. Зато после сего неправедного и мерзкого деяния нюрнбергский негоциант узнал наконец тайну рецепта монаха Теофила.

– Итак, смешав две части букового пепла с одной частью кремниевого песка, следует еще добавить не горсть, но щепоть медного купороса, – сказал Готвальд. А через мгновение добавил, будто торговец, который к основному товару прибавляет в качестве подарка товар мелкий и ему сопутствующий: – И тогда цвет выдуваемого стекла будет небесно-лазурным...

Эрих Кюнке ликовал. Свершилось! О-о, теперь он откроет у себя в Нюрнберге стеклодувную мануфактуру, и его изделия из богемского стекла с неповторимым цветом небесной лазури будут продаваться по всему миру, а имя Эриха Кюнке станет самой знаменитой торговой маркой в Европе! И денежки, главное – денежки потекут рекой в его карман. И остальные купцы станут завидовать ему и гордиться знакомством с ним, ибо ничего так не приветствуется среди торговых людей, как предприимчивость и везение.

Эрих Мария Адольф Кюнке и в правду открыл стекольную мануфактуру. На ней из стекла естественных цветов производились поначалу сосуды для питья, большие кубки в форме перевернутого колокола на массивных ножках с крылатыми фигурками на них и стаканы для вина. Чуть позже Кюнке открыл при мануфактуре гравировальный цех, а привлеченный к его производству известный химик Иоганн Функель изобрел рубиновое стекло, получаемое путем добавления к буковому пеплу и кремниевому песку еще и золота.

Дальнейшее развитие нюрнбергская мануфактура Кюнке получила при его сыне Готтлибе. Тот стал создавать тончайшее стекло, украшенное живописными пейзажами из полупрозрачных цветных эмалей. Еще дальше пошел сын Готтлиба, Зигмунд, усовершенствовавший технику декора стекла и начавший производство богемских бокалов в форме античных сосудов и стеклянной бижутерии и прочих украшений. Фирма «Готтлиб Кюнке и сыновья» стала пользоваться в Европе большой популярностью. Ее изделия шли нарасхват и считались престижными и высокохудожественными.

Запонки, выигранные в лотерею-аллегри Африканычем, были именно этой фирмы и стоили много дороже, нежели билет лотереи-аллегри. Так что, когда Неофитов получил свой выигрыш, к нему подошел один из главных организаторов лотереи – городской секретарь Николай Николаевич Постников, и сказал:

– Поздравляю вас, Самсон Африканыч. Славный выигрыш. По секрету скажу вам, что эти запонки есть одна из самых дорогих вещей, что разыгрывались нашей лотереей.

– Благодарю вас, – удовлетворенно произнес Неофитов. Ведь каждому, верно, приятно подтверждение того, что он и правда является по жизни везунчиком.

– Ну, а как ваши дела в остальном? – поинтересовался Николай Николаевич. Он знал Неофитова как торговца недвижимостью, а такое занятие требовало определенных финансовых вложений и являлось далеко не простым и не легким. – Если вам везет в них так же, как сегодня в лотерею, то не возьмете ли вы меня в компаньоны?

– Да все слава богу, Николай Николаевич, – с улыбкой ответил Самсон Африканыч. – Грех жаловаться. А что касается компаньонства – с нашим превеликим удовольствием!

– Шучу я, – с непонятной Африканычу печалью сказал Постников. – Но рад за вас, – добавил он. – Искренне рад.

Новый возглас возле барабана с лотерейными билетами привлек их внимание. Оказалось, что еще один участник лотереи выиграл ценный приз – золотой портсигар с эмалевой гравировкой. Счастливчиком оказался исполняющий обязанности председателя правления Купеческого банка и почетный член Казанского губернского попечительства детских приютов Николай Васильевич Унженин, первой гильдии купец и почетный гражданин города.

– Что, Николай Васильевич, денешки к денешкам? – так приветствовал его выигрыш Николай Николаевич Постников.

– Так я же... ненарочно, – только и нашелся, что ответить почетный гражданин Унженин. – Господин Неофитов, – он посмотрел на Африканыча, – выиграл более ценный приз.

Самсон Африканыч немного знал Унженина. Их познакомил Алексей Васильевич Огонь-Догановский, изредка бывающий в «Купеческом клубе» на Большой Проломной и поигрывающий там в карты по маленькой – так, всего-то для удовольствия. Они виделись несколько раз, но короткого знакомства покуда не получилось: Николай Васильевич, несмотря на свои сорок лет и весьма значительные занимаемые им посты, был человеком малообщительным и скромным.

– Так, может, отметим мой ценный выигрыш? – предложил Неофитов. – В каком-нибудь уютном местечке с хорошей кухней.

– Что ж, я не буду против, – с ходу заявил Постников. – Как только закончится лотерея, я к вашим услугам.

– А вы? – повернулся к Унженину Африканыч.

– Прошу прощения, но я не могу сейчас сказать ничего определенного, поскольку сегодня должен буду еще... – замялся Николай Васильевич, но Постников не дал ему возможности отказаться:

– Да перестаньте вы, – заявил он Унженину, хитро посмеиваясь в тонкие, аккуратно подстриженные усики. – Вы просто обязаны отметить свой выигрыш. Иначе в дальнейшем не будет удачи. К тому же тратиться нам не придется: нас угощает наш друг Самсон Африканыч. Ведь так?

– Точно так, – улыбнулся Неофитов. – За вами остается только выбор места...

Постников выбрал «Славянский базар» Антона Чернецкого, что стоял против извозчицей биржи на Большой Проломной улице. Почетный гражданин города Унженин тоже не был против: ресторан Чернецкого весьма и весьма приличный в плане добропорядочности и пользовался в городе заслуженной славой, потому как господин Чернецкий сам был известнейшим в Казани кулинару и не допускал некачественности подаваемых там блюд. К тому же именно в этот ресторан приходили крупнейшие представители казанского купечества, чтобы потолковать о делах или вспрыснуть состоявшуюся сделку. Отнюдь не брезговали «Славянским базаром» и городские дворяне. Да и, к слову сказать, приличных заведений с хорошей кухней в городе было не так уж и много: ресторан Ожегова на Черном озере против здания Государственного банка; ресторан Панаевского сада – правда, только летний; ну, еще ресторан Грошева в здании Александровского пассажа. Вот, пожалуй, и все. Остальные заведения, именуемые ресторанами, называть таковыми можно с большой натяжкой...

Раковая ущица была превосходной! А что делается с человеком, когда он похлебает вкусного и горячего? Он добреет. Окружающие его люди становятся для подобрешего от обеда человека если уж не короткими знакомыми, то, несомненно, весьма приятными людьми и милыми собеседниками, с которыми можно задушевно поговорить на самые различные темы. Причем вполне искренне.

Касательно приезда в Казань великого князя Михаила Николаевича Африканыч завел разговор после жареного поросенка, молочных рябчиков и второй рюмки «Вдовьей слезы», – лучшей из русских водок московской фирмы «Вдова М.А. Попова». Причем начал как бы издалека, с Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки в Екатеринбурге. Мол, прочел недавно в губернских газетах, что такая выставка откроется в июне следующего года и не будет ли кто из казанского купечества в ней-де участвовать.

– А нас на нее никто и не приглашает, – неожиданно заметил почетный гражданин Унженин. Очевидно, хороший обед повлиял и на него, поэтому он и разговорился.

– Почему? – наивно спросил Африканыч.

– Потому что мы не Урал и не Сибирь, – ответил ему на это Николай Николаевич Постников. – Мы – Средняя Волга. Хотя нашему известному собирателю старины Андрею Федоровичу и было предложение поучаствовать со своими картинами в этой выставке. По программе, в Екатеринбург должна приехать передвижная художественная выставка русских мастеров живописи. Вот у него организаторы выставки и попросили дать напрокат Шишкина и Айвазовского...

– А он? – поинтересовался Унженин.

– А он отказался, – ответил с непонятной ухмылкой Постников.

– Чего и следовало ожидать, – Николай Васильевич и правда стал весьма словоохотлив.

– А про какого Андрея Федоровича идет речь? – осторожно спросил Африканыч.

Оба собеседника повернули к нему недоуменные лица.

– Как, вы не знаете Андрея Федоровича Лихачева? – искренне удивился Постников.

– Не знаю, – ответил Неофитов. – То есть слышал о нем, конечно, но лично не знаком, – тотчас поправился Самсон Африканыч.

– Познакомьтесь, – Николай Николаевич снова неопределенно усмехнулся в свои аккуратные усики. – У него очень богатые коллекции древностей. Она у вас непременно вызовет большой интерес.

– И коллекция картин, – добавил почетный гражданин Унженин.

– И картин, – легко согласился Постников. – А еще гравюр, графики и старинных монет.

Под жаркое из оленины и окунчиков, жаренных в сметане, сдобренных еще одной рюмкой «Вдовьей слезы», разговор зашел об организаторах выставки. И наконец, прозвучала ожидаемая для Африканыча фраза. Ее произнес Николай Николаевич Постников:

– А вы знаете, кого избрали почетным президентом этой выставки?

– Нет, – ответил Унженин.

– Даже не представляю, – соврал Африканыч.

– Так знайте! – Захмелевший Постников обвел собеседников немного помутневшим взглядом: – Председателя Государственного Совета Его Императорское Высочество великого князя Михаила Николаевича! О как!

– И что? – равнодушно спросил Унженин.

– А то, что великий князь непременно посетит нашу Казань, – с гордостью сказал Постников.

– Вот и славно, – так отреагировал на последнюю реплику городского секретаря исправляющий обязанности председателя правления Купеческого банка и почетный член Казанского губернского попечительства детских приютов Николай Васильевич Унженин. – Пусть полюбуется на наши выбитые мостовые, грязные улицы и загаженные площади. Пусть понюхает наш Сенной базар, пропахший навозом! И даст городскому голове хорошую взбучку.

– Голова и так делает, что может, – обиделся за своего патрона Постников. – Просто у него денег на все не хватает.... А кроме того, великого князя по городским улицам и площадям возить не будут...

– Ну, еще бы, – с заметной долей сарказма произнес почетный гражданин Унженин. – Конечно, не будут.

– А куда будут? – осторожно поинтересовался Самсон Африканыч, щедро разливая по рюмкам водку и пододвигая партнерам по столу в качестве закуски копченого омуля и белые грибы, жаренные в тесте.

– Ну, в первый путь, надо полагать, никуда не заглянет, – сказал городской секретарь. – Визит великого князя будет весьма непродолжительный по времени. А вот когда он станет возвращаться с екатеринбургской выставки, то, возможно, даже останется в Казани ночевать. По крайней мере, все мы будем рассчитывать на это, – добавил Постников.

– Естественно, после праздничного ужина, устроенного в его честь, – заметил на это Унженин.

– Ну, а как вы думали? – почти обиделся за великого князя Николай Николаевич. – Конечно! Ведь не каждый же год к нам приезжают председатели Государственных Советов.

– Небось вы уже загодя знаете, куда его поведете? Готовитесь небось уже, – иронически произнес Унженин.

– Конечно, – парировал его замечание городской секретарь. – Программа нахождения в нашем городе великого князя Михаила Николаевича будет довольно обширной и плотной. Вначале планируется отслужить в честь столь высокой особы молебен в Благовещенском соборе. Затем мы намереваемся устроить Его Высочеству посещение Казанского Богородицкого монастыря, где покажем великому князю нашу священную реликвию – явленную чудотворную икону Казанской Божьей Матери, без чего не обходится ни один визит в Казань царственных и иных высокопоставленных особ, – горделиво подметил Николай Николаевич. – После чего на монастырском дворе состоится представление Его Императорскому Высочеству лучших воспитанников наших учебных заведений. Далее великий князь Михаил Николаевич последует

либо в его имени Михайловское училище для осмотру оно́го, либо в Дворянское собрание, где Его Высочеству во время чаепития будут представлены лучшие губернские и городские служащие, и выборные из всех сословий. Потом, конечно, знатный обед в честь высокого гостя на полторы сотни кувертов и, если еще не будет поздно, посещение Порохового завода и смотр войск нашего округа. Вот такая намечается программа, – закончил свою речь Николай Николаевич.

– И правда, весьма обширная программа, – задумчиво заметил Самсон Африканыч.

– Конечно, – согласился Постников. – Поэтому и начали готовиться уже сейчас.

На десерт кушали куличи и малиновые пряники (Унженин ел черничные, сказывал – полезно для зрения), запивая их квасом (Унженин запивал горячим сбитнем с мятой, сказывал – полезно для кишечника). Потом, уже на европейский манер, точку на обеде поставили кофеем (Унженин пил чай, потому как чай – известное дело – способствует долголетию). И разошлись, весьма довольные друг другом.

Глава 5. Беда и счастье Павла Давыдовского, или Месть мужчины

Она жила в Петербурге. Первая любовь Павла Давыдовского. С ней он провел самые восхитительные минуты в своей жизни. И самые мучительные. Она была его бедой – и его счастьем. Его большой болью – и несказанной радостью. Она являлась его мукой – и его наслаждением... К тому же тогда он был неопытен и еще не знал, что все беды мужчин от них – девиц и женщин.

Когда Павлу исполнилось пятнадцать, отец отдал его в Санкт-Петербургское Императорское училище правоведения – заведение закрытое, перворазрядное и только для потомственных дворян, отцы которых что-то значили в Российской империи. Сдал, так сказать, с рук на руки попечителю училища – принцу Александру Петровичу Ольденбургскому. Училище правоведения было одним из самых престижных во всей империи, по статусу приравнено к Царскосельскому лицей и состояло в ведомстве Министерства юстиции. По окончании Императорского училища правоведения можно было выйти из его стен с чином десятого или даже девятого класса и тотчас приступить к службе в канцелярии Министерства юстиции или Правительствующего Сената. Ну где еще у юноши могут открыться столь лестные перспективы?

Учился Павел Давыдовский преотлично. И вовсе не потому, что хотел, как иные прочие, служить в канцелярии Сената или Минюста и как можно быстрее двигаться по служебной лестнице. Просто ему нравился курс права и его история. А когда Давыдовский, окончив общеобразовательный курс, перешел на специальный и получил право носить шпагу, – тут-то с ним и приключилось несчастье. Или счастье, что применительно к любви, согласитесь, есть два совершенно равнозначных понятия.

Барышню звали Глаша. Впрочем, почему звали? Ее и поныне зовут Глаша. Впрочем, ежели быть точнее, то теперь она Глафира Ивановна Краникфельд.

Давыдовскому тогда исполнилось восемнадцать лет, а Глафире – семнадцать. Она только-только стала выезжать в свет. Их представил друг другу его приятель и товарищ по училищу барон Роман Розен, приходившийся Глаше кузеном. Случилось это на ежегодном традиционном балу, проводимом в училище пятого декабря. Каждый из его воспитанников имел в этот день право пригласить на бал знакомую даму или барышню, что не преминул сделать и барон Розен.

С первой же минуты знакомства мир для Давыдовского стал совершенно другим. Он вдруг приобрел новые цвета и краски, более яркие и сочные, нежели прежде, и в жизни юноши появился высший смысл. Ведь все мы рождены для чего-нибудь особенного. самого главного, что должно непременно произойти и без чего жизнь наша будет несостоявшейся, а то и пустой. Для Павла этим особенным, для чего, как ему тогда представлялось, он и был рожден, была встреча с Глашей.

В тот вечер он не заговорил с ней на балу о своих чувствах, вспыхнувших в его сердце, хотя и заангажировал ее на полонез и затем на вальс, а стало быть, имел возможность высказаться, – он просто любовался ее красотой.

Во время променада, не говоря уж о прочих фигурах, когда они были практически разлучены, Павел молчал, пораженный тем, что будет танцевать с девушкой-богиней. Держать ее за пальцы рук, преклонять пред ней колени – это являлось для него верхом блаженства. А говорить... нет, он не мог говорить, ибо еще не придуманы были те слова, которые раскрыли бы всю гамму чувств, уже бушевавших или только зарождающихся в его груди. Казалось, что и его божественная партнерша испытывает нечто подобное, и более старшие и опытные в сердечных делах воспитанники училища могли это заметить. И, к слову сказать, заметили, произнеся Давыдовскому после бала слова, что «Глафира Ивановна бросала на вас, сударь, зага-

дочные взгляды; если не влюбленные, то весьма и весьма томные». Сам Павел тоже несколько раз ловил на себе ее взгляды, но свой поспешно отводил в сторону, словно чего-то опасался, хотя мог смотреть на нее сколько угодно времени – до того она была удивительно прекрасна.

Вальс... Этот чарующий танец пришел не столь давно из Вены и вырос из весьма популярных в Чехии танцев матеник и фуриантэ. На балу они танцевали медленный вальс – ну, тот, в котором на один такт приходится три шага. Они были столь близко друг от друга, что у Давыдовского весьма некстати проснулось естество, и дабы не коснуться им живота Глаши, он был вынужден несколько отстраниться от нее. Такое увеличение расстояния между ними вызвало у партнерши Павла удивление. Она даже недоуменно посмотрела на него: как так, она же видит, что нравится ему, так почему же он держит максимальное расстояние между ними, когда можно более полно и близко ощущать тела друг друга и наслаждаться этим?

Ну что ж. Она была еще молода и не совсем знала физиологию мужчин. Вернее, не знала совсем. Иначе бы все поняла и не стала бы мысленно его осуждать. Впрочем, она и не осуждала воспитанника Императорского училища правоведения Павла Давыдовского. Так, была слегка удивлена его невольной отстраненностью. А ему просто было неловко...

Их встреча на балу закончилась тем, что он довел ее до места и срывающимся голосом поблагодарил за танец:

– Je vous remercie¹.

Глафира в ответ смущенно опустила хорошенькую головку и сделала неглубокий реверанс.

В эту ночь он не мог заснуть. Ворочался в своей постели, вспоминал бал и ее, Глашу. Как держал ее прохладные пальцы в своей ладони, как смотрел в ее лицо и вдыхал запах ее чудных волос. И как она посмотрела на него, и в ее взгляде была симпатия – и, ей-богу, ему не почудилось, нежность.

Несколько дней Павел ходил как полоумный. В классах отвечал невпопад, был задумчив и рассеян. Почти ничего не ел. И еще стал писать стихи, что, несомненно, указывало если уж не на поэтический дар, так на состояние крайней влюбленности...

На балу Судьбы богиней
ты явилась, как во сне...
Глаша, Глашенька, Глафира —
сильно нравишься ты мне.

Я в тоске любовной маюсь:
то ли радость, то ль чума, —
Глаша, Глашенька, Глафира
не выходит из ума.

Ранен я стрелой Амура
и иду в последний бой:
Глаша, Глашенька, Глафира,
как бы свидеться с тобой?!

То есть налицо имелись все признаки любовной горячки – заболевания тяжелейшего, ежели не сказать смертельного.

Свои стихи он переписывал восемь раз. В конце концов, оставшись удовлетворенным рифмой и почерком, он нашел после занятий своего приятеля Рому Розена.

¹ Благодарю вас (*фр.*).

– Вот, – сказал Давыдовский, протягивая ему листок со стихами и краснея, верно, от макушки до пят. – Прошу вас, барон, передайте это ей...

– А что это? – спросил Розен.

– Стихи, – едва слышно промолвил Павел, и его щеки и шея из розовеющих превратились в алые.

– А кому отдать? – задал новый вопрос Розен.

– Ей, – почти шепотом произнес Давыдовский.

– Да кому – ей-то? – едва удержался от восклицания ничего не понимающий приятель.

Он только что проигрался в штос и был нервически возбужден. – Выражайтесь яснее, Павел Иванович.

Давыдовский уронил голову на грудь и уже одними губами вымолвил:

– Вашей кухне, Глафире Ивановне...

Розен услышал. И все понял. Он сам с полгода назад пребывал в подобной любовной горячке – пылал страстью к начинающей актрисе Императорского Александринского театра неприступной красавице Марии Савиной. Она была замужем, ее супруг был ленив, невероятно глуп и любил выпить. Затеянное ею бракоразводное дело тянулось уже год, но не двигалось с мертвой точки. Вокруг Савиной уже начинал складываться круг поклонников, превратившийся в сонм после ее блистательного выступления в роли Елены в пьесе Потехина «Злоба дня». А после ее бенефиса в едкой комедии Потехина «Мишура» к этому сонму присоединился и Розен.

Его положение было почти безнадежно. В окружение Савиной входили блистательный флотский офицер князь Евгений Голицын, граф Степан Головкин, поэты Полонский и Майков, хоть ловеласы и стареющие, но еще могущие дать фору ловеласам молодым; известный критик Стасов и даже парочка влиятельнейших великих князей, имена которых произносились шепотом. Ну куда юноше-студизусу было тягаться с такими?

Он все же попробовал. Заваливал прихожую Марии Гавриловны цветами. Писал любовные записки. Часами выстаивал под окнами ее дома, когда сбегал из училища в самовольные отлучки. Назначал свидания, на которые она не приходила. В конце концов Савина обратила на него внимание. Ибо не существует в мире крепостей, которых нельзя было бы взять. Хотя бы и долговременной осадой. И нет женщин, которых нельзя было бы добиться. Ну, или почти нет... Необходимы лишь терпение и настойчивость, что весьма несвойственно молодым людям. Но у барона Розена терпение и настойчивость имелись. И он победил. Взял казавшуюся неприступной крепость...

Оказалось, овчинка выделки не стоила. Впрочем, приз был, конечно, весьма значительным, и Роман Розен вполне потешил собственное самолюбие. Но – не более того. Страстная и романтическая на сцене, способная всецело отдаваться роли, падать в обморок во время самого представления, в постели Мария Гавриловна оказалась холодна, как кусок мрамора, и абсолютно не проявляла никакой инициативы. В постели с ней было скучно до такой степени, что Розен, по молодости лет весьма неискушенный в женщинах, совершив одно соитие, не смог произвести второго. Хотя прежде восстанавливался буквально через четверть часа. Поласкав актрису руками и уяснив несостоятельность процедур, Роман сослался на занятость и покинул ее квартиру с облегчением, чтобы больше никогда в нее не вернуться. Подевалась куда-то и былая страсть, а вместе с ней – влюбленность. Как это, собственно, зачастую происходит после соития с женщиной, после которого ореол богини куда-то исчезает, а на его место приходит понимание того, что, по сути, все женщины одинаковы, а при отсутствии темперамента – так и вовсе не так уж прекрасны и загадочны.

Словом, Роман Розен вполне понимал состояние Павла Давыдовского.

– Хм... Ну, хорошо, я передам, – мягко улыбнулся барон. – А что передать на словах?

– Передайте ей, что я... Что она... Нет, передайте, что я ее... Черт возьми, я не могу это сказать вам... – совсем смутился Давыдовский. – Только ей. Послушайте, – Павел умоляющим взглядом посмотрел на приятеля: – Вы не могли бы устроить... мне... ну... чтобы встретиться с ней?

– То есть вы просите с ней свидания? – поднял брови барон.

– Да, – шумно выдохнул Давыдовский.

– Но это невозможно, – недоумевающе произнес барон. – Ни одна порядочная девица не выйдет из дому без сопровождения, ведь это может скомпрометировать ее. – Он снова с недоумением посмотрел на Давыдовского. – Ты что, будешь разговаривать с ней в присутствии мамки или лакея?

– Ты будешь присутствовать, – с надеждой произнес Давыдовский, не заметив, что они перешли на доверительное товарищеское «ты». Впрочем, тема разговора была такая, что без доверительности обойтись было просто невозможно. – Только отойдешь на время в сторонку.

– Хм, – ответил на это Розен. Он снова вспомнил свое состояние, когда пылал любовью и страстью к Марии Савиной, понимающе улыбнулся и решил помочь товарищу. Потому как чувство, которым тот пылал, было совершенно не шутейным. – Хорошо, я попробую...

* * *

От любви мужчины теряют разум. Иные из них – тупеют. Те, которые и так были не столь умны, становятся совершеннейшими глупцами. Даже весьма умные, подпав под чары женщин и впад в любовную горячку, становятся малосообразительными и напрочь теряют остроту ума. Их спрашивают, сколько будет дважды два, а они надолго задумываются, как если бы у них хотели выведать смысл бытия, и лишь потом, завершив какую-то свою личную мысль, отвечают:

– Четыре.

А бывает, что отвечают невпопад («не знаю», «кажется, восемь») или вовсе не отвечают, погруженные в собственные раздумья. И мысленно ведут нескончаемый разговор с предметом своей любви, где присутствуют споры, уговоры, упреки и обвинения во всяческих грехах, чаще всего надуманных. А по сути – этот разговор с самим собой, который может завести столь далеко, что вы и сами не заметите, как окажетесь в «желтом доме», как это случилось с одним из воспитанников Императорского училища правоведения Григорием Аполлоновичем Лопухиным. Сей юноша, воспитывавшийся в училище еще во времена попечительства племянником государя-императора Николая Первого принцем Петром Георгиевичем Ольденбургским, влюбился без памяти в Александрину-Анну Францевну Маснер, дочь австрийского подданного, статского советника Франца Иоганновича Маснера, служившего тогда чиновником особых поручений при Санкт-Петербургском почтамте.

Несколько раз они встречались в построенном после наводнения 1824 года Чайном домике Летнего сада, поскольку училище правоведения располагается в точности напротив знаменитого места, либо гуляли по аллеям сада, наслаждаясь друг другом. А потом Лопухин признался в любви.

– Я не могу жить без вас, – добавил он, пребывая в чрезвычайном восторге и благоговении от своей спутницы.

– Я тоже, – услышал он в ответ тихие слова.

Ежели бы у воспитанника Императорского училища правоведения Гриши Лопухина были бы крылья, то он непременно взмыл бы в небеса. Впрочем, крылья у него после слов его возлюбленной, несомненно, заимелись. Только вот взлетать в небо не было никакого резону: любимая находилась здесь, на земле, рядом с ним, и покидать ее в такой момент было бы безграничной глупостью.

А потом они украдкой поцеловались. Вкус поцелуя нес запах весны и надежды на блаженство и, в конечном итоге, на нескончаемое и всеобъемлющее счастье. Ибо настоящее счастье – это не имение в полторы тысячи душ, не кипа доходных бумаг; не чин действительного тайного советника и не короткое знакомство с самим государем-императором, а нахождение вблизи себя человека, который тебя понимает и для которого лучше, чем вы, нет никого на целом свете.

Что приключилось затем между ними – никто не ведает. Умалчивает об этом и училищная легенда, равно как и местный фольклор. Известно только, что между возлюбленными произошла крупная размолвка, после которой Александрина-Анна прекратила с Лопухиным всяческие сношения. Она не отвечала на его полные отчаяния записки, не выходила из дому, когда Григорий, с большим трудом добыв увольнительную из училища либо пребывая в самовольной отлучке, проводил целые часы под ее окнами. И, конечно же, не принимала его у себя.

– Лопухина и на порог не пускать, – таково было ее нерушимое распоряжение лакеям.

Это был конец всему. Конец мечтаниям о блаженстве и счастье, конец взаимной любви, конец всяческого смысла и всей жизни.

Гриша Лопухин ходил мрачнее тучи. Ни с кем не разговаривал, ничего не ел и совершенно перестал заниматься по предметам. Инспекторы классов, профессора и воспитатели и даже сам директор училища статский советник Семен Антонович Пошман, зная его печальную любовную историю, относились к Лопухину благосклонно и даже где-то жалеючи. Ведь у каждого мужчины в жизни случалась подобная история, а возможно, и не одна; а память – такая злая штука, что разочарование и боль хранит долго, ежели не вечно.

Лопухин чах и таял буквально на глазах. Затем начали проявляться и некоторые душевные отклонения. К примеру, он мог часами, тупо уставившись в одну точку, неподвижно сидеть, словно будущий бронзовый монумент скульптора барона фон Клодта баснописцу Крылову. (Сей памятник талантливому ленивцу откроют менее чем через десять лет близ центральной аллеи того же Летнего сада, в котором некогда Гриша прогуливался под руку с Александринной-Анной.) По прошествии малого времени воспитанники и воспитатели училища стали замечать за ним, что он лихорадочно мечется из угла в угол и словно ищет какую-то пропавшую вещь, которой у него никогда не было. А когда его спрашивали, чего же он ищет, то он отвечал:

– Двуручный меч. Не могу только вспомнить, куда я его положил.

– А зачем тебе меч? – дивясь, спрашивали приятели.

– Ну, как зачем? – искренне удивлялся тот. – Чтобы дать отпор врагам... Вон их сколько, – добавлял Лопухин и смотрел вдаль, очевидно, пытаясь сосчитать своих несуществующих врагов. – Сонмы...

И снова бросался искать свой меч. Под столом, креслом, постелью, даже за печью...

Такая «непоседуха» указывала на очевидное нарушение его психического состояния. Бывало, на вопросы своих товарищей или воспитателей он отвечал просто невпопад.

– Какое сегодня число, не подскажете? – спрашивали его.

– Благодарю, я сыт, – отвечал Гриша Лопухин.

– А сколько сейчас времени? – спрашивали его.

– Конечно, – нехотая отвечал он. – Я с вами полностью согласен...

Он никого не слушал и не слышал. Он был весь в себе. Его внутренний диалог, очевидно, звучащий в его голове каждую минуту, понемногу разъедал его мозг хуже азотной кислоты или едкой щелочи.

– Пойдем погуляем в училищном парке? – предлагали ему приятели.

– Я уже отписал матушке на предыдущей неделе, – отвечал юноша.

Наконец директор училища, не на шутку обеспокоенный физическим и, главное, душевным состоянием Лопухина, пригласил к нему психиатра Павла Петровича Малиновского. Тот, осмотрев Гришу и поговорив с ним, вынес вердикт:

– Скоротечный тип душевного заболевания, вызванного тяжелейшим нервным потрясением. Необходима срочная госпитализация.

И Гришу отвезли. На Петергофскую дорогу, в Дом умалишенных, не столь давно отделившийся от Обуховской больницы в самостоятельную лечебницу, помещавшуюся ныне в особняке князя Петра Щербатова. О нем заботились. Старались, как гласил устав лечебницы, «обеспечить индивидуальный образ жизни в соответствии с психическим состоянием». Водили в церковь с хорами, устроенную в парадной зале, дабы просить помощи исцеления у Вседержителя, давали даже позвонить в церковные колокольца над главным входом в церковь и кормили по особой диете. Но... все тщетно, ничего не помогало. Гриша Лопухин буквально таял на глазах.

Однажды, позвонив с разрешения настоятеля в церковные колокольца, он горько, по-детски расплакался, что врачи лечебницы посчитали благоприятным признаком. И верно, Гриша стал спокойнее, перестал искать везде и всюду свой меч, чтобы было чем отражать «супостата», стал нормально питаться и даже прибавил в весе. Все говорило о начавшемся исцелении. Очевидно, вследствие этого служители лечебницы ослабили контроль за ним, что явилось впоследствии непоправимой ошибкой. И в одно прекрасное утро Гриша был найден прислоненным к стволу яблоньки Щербатовского сада с перерезанными запястьями рук. Причем он порезал их так, чтобы, в случае, если его найдут еще живым, порезанные вены невозможно было бы сшить: он резал одну вену в двух местах и вырывал ее кусок между порезами.

Из него вытекла почти вся кровь, когда его нашли. Спасти Гришу было невозможно, – он уже умирал. И всех, кто видел его в тот момент, поразило выражение его лица: оно было светло, спокойно, благостно и даже радостно. Очевидно, боль и мука отпустили его еще в последние мгновения жизни. И он увидел то, что простым смертным видеть не суждено. По крайней мере, в обычной жизни.

Его похоронили при часовенке, поставленной на погосте. Без креста, ибо самоубиение есть тяжкий грех, крепко противный Господу. Со временем могилка заросла травой и ромашками. Теми самыми, на которых, отрывая лепесток за лепестком, можно гадать: любит-не любит...

* * *

Свидание Давыдовского с Глафирой состоялось в Летнем саду. Барон Розен свел их вместе и теперь прогуливался поодаль, на достаточном расстоянии, чтобы видеть их, но не слышать душевной беседы.

Павел Давыдовский долго не мог начать разговор. Наконец, собравшись с духом, произнес:

– Вы прочли мое письмо к вам?

– Стихи? – потупила взор Глаша.

– Да...

– Прочла, – не сразу ответила она.

– Ну... и... как они вам? – неопределенно спросил Павел.

– У вас весьма своеобразный слог, – так же неопределенно ответила девушка.

– Я не про слог, Глафира Ивановна, – все более смелел Давыдовский. – Я касательно содержания стихов.

– Мне понравилось.

– Правда?

– Да. – Глаша подняла глаза и посмотрела на Павла. – И даже очень...

– Господи, как я счастлив! – снова вырвалось у Давыдовского.

Он едва сдержался, чтобы не броситься обнимать богиню Судьбы. И заметил, что Глашенька, осознав его состояние, даже не предприняла попытку отстраниться, чтобы не попасть в его объятия. Значит... Значит, она тоже... То есть он ей не безразличен!

– Я все время вспоминаю нашу встречу на балу, – зачарованно произнес Павел. – Как мы с вами танцевали полонез. И вальс...

– И вальс, – эхом повторила Глаша и снова опустила прелестную головку: – Я тоже это вспоминаю...

Что значили эти последние слова Глашеньки, если не признание?

Как иначе их следовало понимать? И был ли в них какой иной смысл, кроме одного: Павел ей тоже нравится...

– Не смею спросить вас...

– Спрашивайте.

– Хорошо, – Павел тоже потупил взор. – Прошу заметить, что вы сами потребовали этого от меня.

– Говорите же! – В ее голосе послышались требовательные и в то же время умоляющие нотки.

– Значат ли ваши последние слова, что вы... тоже... – какое-то время Павел подбирал слова, хотел сказать «относитесь ко мне так же, как и я к вам?», но потом нашел в себе силы и выпалил: – любите меня?

Она так резко подняла голову, что Роман Розен, дефилирующий в конце аллеи, остановился и стал впрямую на них смотреть. Он, очевидно, понимал, что сейчас между ними совершается объяснение, – самое главное на первоначальном этапе любовных отношений.

– Вы слишком скоры, – не сразу ответила Глафира. – И слишком большое значение придаете словам. Я же словам предпочитаю поступки, которые для меня говорят больше слов...

– И что я должен сделать, чтобы доказать свою любовь к вам? – быстро спросил Павел. – Хотите, я сейчас залезу во-он на то дерево и без раздумий спрыгну с него? Или заберусь на памятник Крылову и закричу на весь мир, что люблю вас?

– Нет, не хочу, – засмеялась Глаша. – Не стоит лазать по деревьям и взбираться на памятники, тем более что вам за это может не поздоровиться. Я имела в виду совершенно иные поступки...

– Выходит, вы мне не верите? – сделал обиженное лицо Давыдовский. Юноша и правда вот-вот готов был обидеться.

Не верить ему? Не верить тому, что творится в его сердце? Да неужели она не видит, что он... что его...

– Я верю вам, – успокоила его Глаша и коснулась белоснежными пальчиками его ладони. Это ее прикосновение вызвало в душе Павла столь огромный и мощный вихрь самых разнообразных чувств, что он мгновенно забыл, что хотел обидеться на нее. – Я только сказала свое отношение к словам. Согласитесь, – девушка более чем нежно посмотрела на Павла, – что слова, не подкрепленные поступками, ровно ничего не значат...

В училище, в своей комнате он много думал над словами Глашеньки. Конечно, его отношение к словам было иным, нежели у нее: он им верил. И считал, что слова и без поступков, подкрепляющих их, все же значат немало.

Сам он словами никогда не разбрасывался и отвечал за каждое из них. Павел всегда держал слово. Если же кто-нибудь обвинил бы его во лжи, то Давыдовский тотчас расквасил бы ему лицо. И это в лучшем случае... С другой стороны, он понимал, что Глаша отчасти права. Девушкам, наверное, не стоит верить словам всяких мужчин. Ведь неизвестно, что у этих мужчин на уме. Но ведь он, Павел Давыдовский – не всякий?!

С того самого времени они стали встречаться; правда, встречи эти были редки. Ведь Училище правоведения было заведением закрытого типа, и выйти из него, пусть даже при острой личной надобности, не разрешалось. Павел выходил. Иногда на это у него имелась увольнительная бумага, иногда это была самовольная отлучка. Кстати, чем последняя – не подтверждающий любовь поступок? Ведь Давыдовский, сбегая из училища на свой страх и риск, подвергал себя опасности быть пойманным, после чего непременно последовало бы наказание, вплоть до отчисления из стен училища.

Кажется, Глаша понимала, на что идет Павел, самовольно отлучаясь. Она даже отговаривала его, чтобы он не делал этого. Правда, не очень настойчиво...

– А вдруг в училище хватятся вас? – спрашивала девушка, выказывая неподдельный испуг. – Станут искать, а вас и нет. Тогда, надо полагать, вас ожидают неприятности?

– Ожидают, – весело соглашался Павел. – Но по сравнению с тем, что я вижу вас и говорю с вами, эти возможные неприятности меня совершенно не волнуют. Они для меня ничего не значат. Абсолютно! А вот даже минута с вами значит для меня очень многое.

Конечно, его товарищи, при надобности, могли бы прикрыть его. Сказать, к примеру, что он занимается гимнастическими упражнениями, что штудирует курс в библиотеке, что у него заболел, наконец, живот, и он не выходит из ватер-клозета. Бесконечно это, естественно, продолжаться не могло, но какое-то время – вполне...

Глаша смотрела в его глаза и замолкала. О чем она думала в тот момент, оставалось только догадываться. Но в том, что ей нравились слова Давыдовского, можно было не сомневаться.

Первый раз они поцеловались у Карпиева пруда возле Порфировой вазы, подаренной шведским королем Карлом XIV императору Николаю I «в знак доброй воли». Поцелуй со стороны Давыдовского был неловким: он просто коснулся своими пересохшими губами губ Глашеньки, и она не успела ему ответить.

Были еще поцелуи. Самым сладким оказался оный возле скульптуры Амура и Психеи, в тени вековых деревьев и шпалер аккуратно подстриженных кустов выше человеческого роста, – идеальное место, где можно спрятаться от любопытных взоров. Тогда же Павел отважился назвать Глашу *своей*, на что она ответила ему благожелательным взором. Словом, воспитанник старших классов Императорского училища правоведения Павел Давыдовский был вполне счастлив.

Приезжал отец, тайный советник Иван Васильевич Давыдовский. Он был в Санкт-Петербурге по делам службы и не преминул зайти к сыну в училище, дабы увидеться и поговорить. Павел признался ему, что влюблен, но когда заговорил о возможной своей женитьбе на Глашеньке, отец прервал его восторженные разглагольствования строгими словами:

– До окончания училища о женитьбе не смей и думать.

Как и все родители, в данной ситуации папенька Павла, был, несомненно, прав. Ну какая на милость, женитьба, ежели еще не окончен курс училища, не определено место службы и вообще ничего наперед не известно? Жениться надлежит тогда, когда вы крепко стоите на ногах и ваше будущее светло и безоблачно...

Примерно такие же слова услышала Глаша от своих маменьки и папеньки. Дескать, замуж следует выходить за человека определившегося, степенного, со связями и средствами. А какие средства и связи у студюзуса? Да никаких! И будущее его довольно туманно. Правда, папенька у Давыдовского – тайный советник, что для Павла несомненный плюс, однако он тайный советник в Москве. И даже по выходе из Императорского училища правоведения Павлу ничего особенного не светит, что для него несомненный минус. В Москве да, возможно, тайный советник и сможет устроить сына, однако Глашеньку из Петербурга никуда не отпустят. Дочка она единственная у родителей, и за ее счастье и благополучие они ответственны перед Богом. И подходящую для нее партию они отыщут сами здесь, в столице...

Глашенька, следует признать, внутри себя стержня не имела, каковой наличествовал у Давыдовского, и родительской воле особо не противилась. В глубине души она даже признавала правоту родителей. Помимо прочего, она не собиралась жить, в чем-либо нуждаясь, чего Давыдовский, естественно, сразу дать ей не смог бы при всем своем желании. А ждать ей не хотелось. Ей хотелось блистать в свете, и чтобы все ей завидовали. Причем не через десять или пусть даже пять лет, а немедленно, сейчас.

И еще... Ее любовь к Павлу была другой. Она любила его иначе, нежели он ее. Когда он был рядом, барышня не могла им надышаться и наговориться с ним. Готова была отдать ему все, чего бы он ни попросил. А когда рядом Павла не было, Глашенька о нем забывала. Она не ожидала с трепетом их встречи, не считала часы и минуты до их свидания, с чем не мог справиться Давыдовский, – ведь его только от мысли о предстоящем свидании бросало в дрожь. В ее любви не было ярости и страсти, не было боли и муки, равно как и наивысшего наслаждения. Ее любовь даже не была похожа на весенний ручеек, журчащий меж травы и камней. Ее любовь была спокойной и рассудительной, больше смахивающей на уголья, присыпанные золой, – подует ветерок, и из под серого праха пробиваются язычки робкого пламени.

А может, это была вовсе и не любовь?

Однажды Павел, самовольно отлучившись из стен училища и едва не столкнувшись в Летнем саду с инспекторами, буквально пробрался на тайное место их свиданий, но барышни там не оказалось.

Он прождал полчаса. Потом час. Глаша не появилась. Еще час он стоял уже просто так, не надеясь уже, что она появится. Вернувшись в училище, он написал ей записку. Она не была укоряющей или обидной. Ведь с Глашей могло случиться всякое: она могла заболеть, вывихнуть ногу, ее могли задержать, или обстоятельства неожиданно сложились так, что ей просто не удалось прийти на *их место*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.